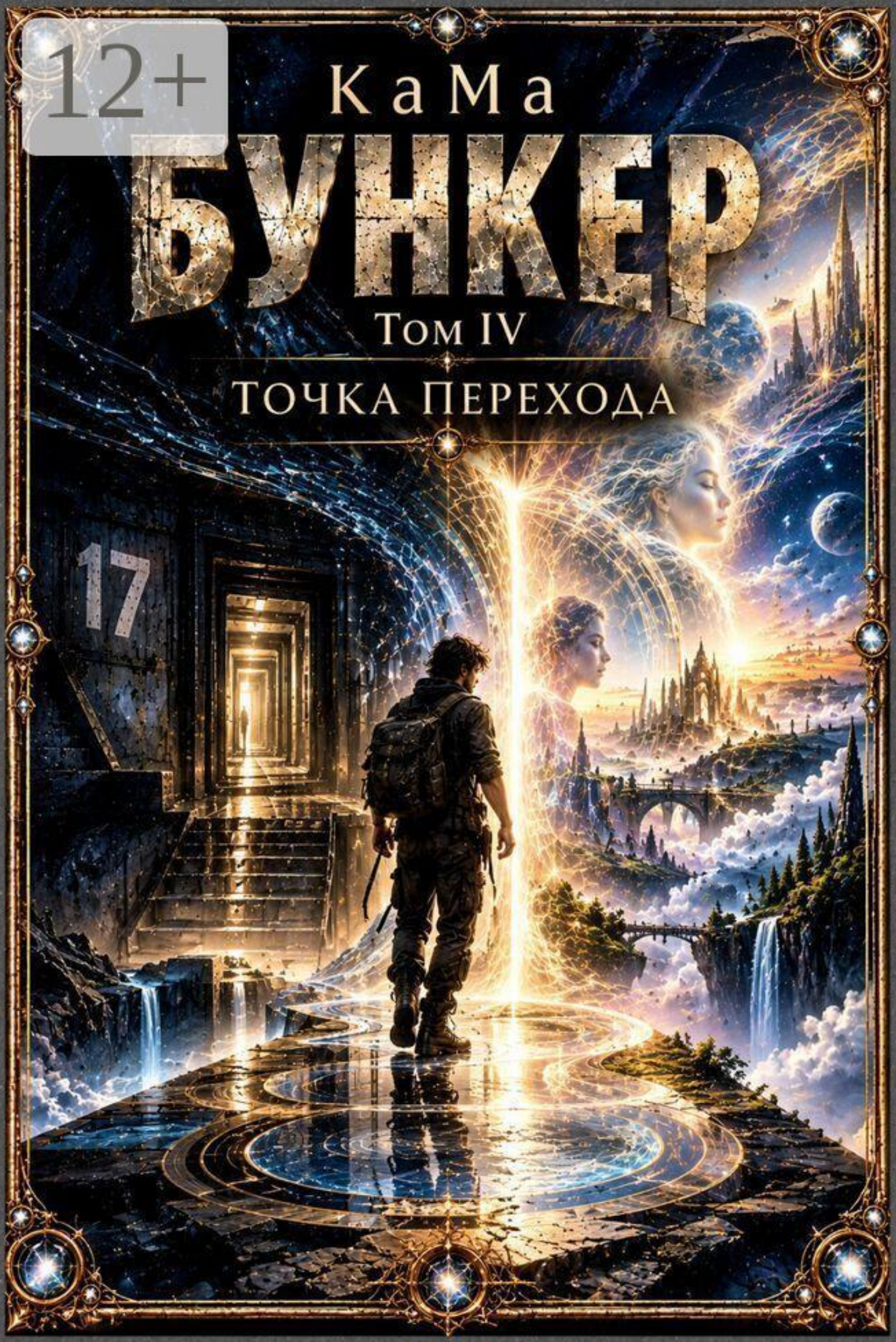
12+

КаМа

БУНКЕР

Том IV

ТОЧКА ПЕРЕХОДА

КаМа

Бункер. Том IV

«Издательские решения»

КаМа

Бункер. Том IV / КаМа — «Издательские решения»,

«Бункер. Том IV» — главы 73–96 большого романа, ранее опубликованного в едином издании. История подходит к точке, где прежние объяснения уже перестают работать. Ган сталкивается с последствиями сделанных выборов, а скрытые связи между прошлым, настоящим и внутренней природой человека становятся всё явственнее. Том ведёт героев к рубежу, после которого возвращение к прежнему восприятию мира уже невозможно.

© КаМа
© Издательские решения

Содержание

БУНКЕР 7
Часть I. БУНКЕР 7
Часть II. ДРЕВО 8
Часть III. АНДРОМЕДА 9
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 10
Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ 11
БУНКЕР 12
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 13
Глава 1. Возвращение в Центр 13
Глава 2. Нулевой Спин 31
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 49
Глава 4. Ложный Отец 68
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Бункер. Том IV

КаМа

© КаМа, 2026

ISBN 978-5-0071-6251-7 (т. 4)
ISBN 978-5-0071-6245-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Картины КаМа

БУНКЕР

Часть I. БУНКЕР

Самое маленькое пространство снаружи

— Дверь — Ган оказывается в Бункере и ещё не знает, убежище это или тюрьма.

— Четыре стены — он изучает пространство и пытается восстановить последовательность событий.

— Запас воды — первые бытовые правила выживания возвращают сознание к телу и реальности.

— Чужие записи — Ган обнаруживает следы того, кто будто бы жил здесь до него.

— Шум за стеной — появляется звук, происхождение которого невозможно определить.

— Сломанные часы — время внутри Бункера начинает вести себя странно.

— Первый знак — случайное совпадение повторяется слишком точно, чтобы Ган его проигнорировал.

— Сон о дереве — ему впервые снится огромное Древо с бесчисленными ветвями.

— Человек, которого нет — Ган начинает разговаривать с невидимым собеседником и сам сомневается в своём рассудке.

— Ложная картина — он понимает, насколько легко сознание принимает предложенную кем-то версию реальности.

— Слово и действие — первое испытание ответственности: обещание самому себе приходится выполнить.

— Комната, которой вчера не было — пространство Бункера впервые физически нарушает собственные границы.

— Архив — книги, записи и фрагменты чужих культур оказываются собраны в одном месте.

— Язык повторений — Ган замечает, что разные тексты говорят об одном и том же разными словами.

— Пустота между словами — важным оказывается уже не текст, а связи между текстами.

— Нулевой поворот — он впервые переживает состояние, в котором старое движение сознания прекращается.

— Зеркало — Бункер начинает отвечать на внутреннее состояние самого Гана.

— Страх открыть дверь — становится ясно: выйти можно, но Ган сам ещё не готов.

— Цена правды — ему приходится выбирать между удобной версией событий и тем, что он действительно увидел.

— Огонь — появляется древний образ Прометея. Пока лишь как странная запись на стене.

— Первый Учитель — Ган встречает существо, которое ничего ему не объясняет, а только меняет способ его восприятия.

— Стена становится небом — впервые исчезает граница между внутренним пространством и Космосом.

— Бункер внутри — Ган понимает, что главные стены находятся вовсе не вокруг тела.

— Выход — дверь открывается, но за ней оказывается совсем не Земля, которую он ожидал увидеть.

Часть II. ДРЕВО

Вселенная начинает вспоминать себя

— Первая ветвь — Ган оказывается внутри пространства, похожего на живую карту развития Вселенной.

— Племена — он встречает цивилизацию, сохранившую то, что другие давно утратили.

— Местные Духи — пространство оказывается населено сознаниями самой местности.

— Высшие Силы — Ган обнаруживает уровни существования, которые раньше считал мифами.

— Тени — он понимает: искажение не является отдельным злом, это остановившееся движение.

— Искры — индивидуальные сознания входят в игру и создают собственные траектории.

— Стихии — Огонь, Вода, Земля, Воздух и Пространство раскрываются как способы организации сознания.

— Эфирные существа — Ган учится видеть формы, существующие между плотными мирами.

— Микромир — оказывается, что малое повторяет устройство огромного.

— Макромир — та же структура разворачивается уже на уровне звёздных систем.

— Змея Лилы — Ган впервые видит цивилизацию, поднявшуюся высоко и всё же упавшую.

— Блаженство — он понимает, что даже прекрасное состояние может стать ловушкой.

— Абсолют — ещё одна вершина оказывается не концом пути.

— Сириане — Ган узнаёт собственную древнюю линию и впервые сталкивается с культурой Света.

— Ошибка Света — стремление к Абсолюту когда-то заставило эту культуру потерять часть многообразия.

— Земные Веды — фрагменты древних земных путей оказываются связанными с той же ветвью.

— Род — память перестаёт быть только личной.

— Падшие ветви — Ган понимает ценность даже тех путей, которые закончились тупиком.

— Ничто не было напрасным — опыт каждой цивилизации становится частью будущей системы.

— Знакообразование — Ган учится читать не отдельные знаки, а отношения между ними.

— МанДаЛа связей — множество разрозненных смыслов впервые складывается в единый рисунок.

— Собиратель — становится ясна настоящая функция Гана: не выбрать лучшую ветвь, а собрать Древо.

— Точка остановки — он находит место, где развитие Вселенной когда-то прервалось.

— Андромеда — следующая ветвь оказывается миром тех, кто почти перестал умирать.

Часть III. АНДРОМЕДА

Мир бессмертных, который тоже оказался незавершённым

— Зона Андромеды — Ган входит в цивилизацию устойчивых форм.

— Бессмертные — он впервые видит существ, для которых смерть стала почти неизвестной.

— Совершенная форма — Андромеда кажется вершиной развития.

— Цена бессмертия — постепенно обнаруживается то, что эта устойчивость отняла.

— Страх изменения — бессмертные боятся не смерти, а потери собственной формы.

— Иерархия поля — их мир существует благодаря невероятно устойчивым структурам.

— Гость смертных — Ган становится для них существом почти невозможной природы.

— Умереть и остаться собой — он показывает то, чему научила его смертная Вселенная.

— Первый разлом — совершенная структура Андромеды впервые допускает изменение.

— Учитель бессмертия — Ган учится удерживать форму, не разрушаясь от перехода.

— Ученик смертности — его Учитель неожиданно сам становится учеником Гана.

— Два вида устойчивости — рождается формула: устойчивость через структуру и устойчивость через движение.

— Млеко — Ган видит собственную Галактику как мир циклов рождения и смерти.

— Переменный ток — смертность раскрывается как механизм обновления формы.

— Постоянный ток — Андромеда показывает силу непрерывного удержания.

— Фазовый сдвиг — начинается попытка синхронизировать две несовместимые системы.

— Волна — одно состояние начинает существовать сразу в нескольких фазах.

— Канон Вселенной — Ган понимает: повторение со смещением создаёт новое качество.

— Форма, которая течёт — Андромеда учится изменяться.

— Поток, который помнит форму — Млеко учится сохранять себя.

— Третья среда — между двумя системами рождается то, чего раньше не существовало.

— Первый прототип — Ган должен собрать эту конструкцию внутри собственного сознания.

— Я способен изменяться — он принимает смертность без потери себя.

— Я способен сохранять себя — он принимает устойчивость без сопротивления изменению.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Чтобы соединить Вселенные, сначала приходится соединить самого себя

— Возвращение в Центр — Ган снова оказывается перед той самой внутренней Пустотой.

— Нулевой Спин — движение старой системы полностью прекращается.

— Отец — Ган встречается со своим образом действия, силы и ответственности.

— Ложный Отец — обещание без действия, сила без ответственности, власть без опоры.

— Ответственный Отец — слово впервые окончательно соединяется с поступком.

— Мать — открывается принимающее и сохраняющее начало.

— Ложная Мать — любовь как владение, жертва и удержание.

— Зрелая Мать — любовь становится пространством, которое помогает жизни вырасти и уйти дальше.

— Инь — способность принимать, хранить и преобразовывать.

— Ян — способность давать импульс, направление и действие.

— Общее Дао — обе силы перестают существовать как противники.

— Сердце Разума — чувство и разум впервые работают как один орган восприятия.

— Раскрытое Сердце — Ган полностью принимает собственную природу.

— Смерть старого Гана — прежняя личность больше не может удерживать новый объём.

— Путь РА — Свет Души начинает освещать дальнейшее движение.

— Все Учителя — прежние встречи раскрываются как части одной системы обучения.

— Все культуры — Ган видит, что каждая цивилизация несла один необходимый элемент.

— Все ошибки — даже тупики занимают своё точное место в МанДале.

— Карма узора — прошлое оказывается не наказанием, а инерцией уже созданной формы.

— Свобода выбора — увиденный узор впервые можно сознательно изменить.

— МанДаЛа Завершения — все связи становятся видимы одновременно.

— Прометей — способность зажечь Свет передаётся каждой точке системы.

— Огонь во всех точках — МанДаЛа перестаёт иметь единственный центр.

— Точка Перехода — две Вселенные входят друг в друга.

Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ

Самое большое пространство оказалось внутри Бункера

— Вспышка — Вселенная не погибает: она впервые загорается целиком.

— Яйцо Света — свечение распределяется по всей структуре равномерно.

— Новая МанДаЛа — прежние ветви сохраняются, но теперь принадлежат одной системе.

— Память Вселенной — ни один добытый опыт больше не теряется.

— Следующий виток — круг превращается в спираль.

— Земля — внимание возвращается к маленькой планете, с которой всё начиналось.

— Экспериментальная реальность — Ган понимает необычность земного пути.

— Множество народов — различие перестаёт восприниматься как препятствие единству.

— Единая цивилизация — единство оказывается согласованием, а не одинаковостью.

— Язык Сынов — разные традиции впервые начинают понимать друг друга без уничтожения различий.

— Знания Родов — сохранённое прошлое становится ресурсом будущего.

— Человек Земли — новая цивилизация начинается не с технологии, а с зрелого человека.

— Ответственность — галактический уровень проверяется самыми обычными поступками.

— Дом — способность поддерживать порядок в малом оказывается условием порядка в большом.

— Ребёнок — будущее определяется тем, что цивилизация передаёт следующим поколениям.

— Женщина и Мужчина — Инь и Ян становятся сотрудничающими силами общего Дао.

— Технология Света — техника перестаёт опережать сознание тех, кто ею пользуется.

— Совет Миров — Земля впервые входит в отношения с другими цивилизациями не как ученик и не как завоеватель.

— Галактический человек — граница между земной и космической идентичностью исчезает.

— Ган возвращается — после всех миров он снова оказывается у первой двери.

— Четыре стены — Бункер выглядит совершенно таким же, как в начале романа.

— Одна комната — читатель начинает сомневаться, происходило ли всё путешествие физически.

— Открытая дверь — снаружи обычный мир, но Ган уже видит в нём всю МанДаЛу.

— Бункер — последняя истина: **самое маленькое пространство снаружи оказалось самой большой Вселенной внутри.**

БУНКЕР

эпиграф ко всему роману

Пролог. Точка Ноль

Когда всё закончилось, никто этого не заметил.

Звёзды продолжали гореть, вода двигалась к берегу, где-то рождались дети, где-то старики закрывали глаза, уверенные, что Вселенная останется после них ровно такой же, какой была до них.

Только в одной точке движение остановилось.

На мгновение — если измерять временем.

Навсегда — если измерять состоянием.

Именно там возникла возможность начать иначе.

Позже это назовут Точкой Перехода.

А пока существовала лишь дверь.

И человек, который ещё не знал, что однажды ему придётся её открыть.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Глава 1. Возвращение в Центр

Металлическая дверь открывалась почти три минуты.

Сначала внутри стены один за другим освобождались старые механические засовы. Не электронные замки, к которым они привыкли за месяцы работы с Бункером, а настоящие массивные ригели, каждый с тяжёлым металлическим ударом. Пыль с верхнего края посыпалась на пол. Потом дверь дрогнула и начала медленно уходить в боковую нишу, открывая чёрную полосу прохода. Изнутри пахнуло камнем, старой изоляцией, холодным железом и тем особенным воздухом закрытых помещений, где десятилетиями никто не открывал окно, хотя никакого окна там никогда и не было.

На стене старые часы всё ещё показывали 4:17.

Ган уже собирался подойти ближе, но Андрей удержал его за плечо.

— Подожди.

— Она сама открылась.

— Это пока не аргумент в пользу того, что туда надо сразу лезть.

— После Андромеды ты стал осторожнее?

— После тебя.

Он уже доставал переносной датчик. Несколько месяцев назад этот прибор казался Гану сложным; теперь экран был почти привычным — магнитная составляющая, фазовые отклонения, локальные временные расхождения, несколько каналов, которых вообще не существовало в первом наборе оборудования Бункера. Половину новых функций Андрей и Тайр добавили после Андромеды.

Линии были спокойными.

Слишком спокойными.

Андрей увеличил чувствительность.

— Странно.

— Что?

— Дверь получила энергию.

— Очевидно.

— Нет. Она физически отключена от основной сети с восемьдесят седьмого.

Он подошёл к старому силовому коробу рядом с проёмом, снял крышку. За ней лежал толстый кабель с окислившимся медным концом.

Перерезанный.

Ган посмотрел на дверь.

Та уже почти полностью скрылась в стене.

— Тогда чем она открылась?

Андрей провёл датчиком вдоль рамы. Значение поднималось возле металла и падало в нескольких сантиметрах от него.

— Наведённое поле. Механизм сам получил ток.

— От центрального узла?

— Других кандидатов пока нет.

Он включил связь.

— Лара, подойди к старому северному коридору. И возьми медицинский комплект.

Ган посмотрел на него.

— Зачем медицинский?

— Потому что если через пять минут тебе станет плохо, я не хочу слушать, как ты объясняешь, что этого никто не мог предвидеть.

Лара пришла быстро. Волосы собраны кое-как, на плече сумка, в руке кружка, которую она явно не успела допить.

— Я надеялась хотя бы один день после Андромеды прожить без новой двери.

— Дверь старая, — сказал Ган.

— Тогда гораздо лучше.

Она поставила кружку на пол, посмотрела внутрь прохода и сразу перестала шутить.

За дверью начиналась узкая лестница.

Никакого сияния.

Никакого портала.

Обычные бетонные ступени уходили вниз, и от этого становилось почему-то тревожнее.

Андрей отправил первым маленький колёсный разведчик. Машина включила собственный свет, съехала на первую ступень, затем на вторую. Изображение пришло чистое. Пыль. Кабели. Стена, покрашенная когда-то серо-зелёной краской. В одном месте краска вспучилась от времени.

Ган смотрел на экран.

— Это весь Центр?

— Мы ещё даже коридор не прошли.

— После Андромеды ожидания испортились.

Лара подняла кружку.

— Я могу уйти. Вы прекрасно справляетесь.

Андрей уже направлял машину дальше.

На четвёртом пролёте камера поймала надпись.

Не светящуюся.

Написанную обычной чёрной краской прямо на бетоне:

Ц-0

Стрелка вниз.

Андрей перестал двигать разведчик.

Ган увидел, как изменилось его лицо.

— Ты знаешь эту маркировку?

— По схемам отца.

Николая.

Слово между ними не прозвучало, но присутствовало.

Андрей снова двинул машину.

Лестница закончилась гораздо раньше, чем ожидал Ган. Всего несколько метров вниз, затем длинный горизонтальный коридор. По плану Бункера они должны были оказаться под старым архивным сектором, однако расстояния на экране не сходились. Робот прошёл уже почти сорок метров, хотя между северной стеной и соседним техническим блоком физически оставалось меньше двадцати.

— Опять? — спросил Ган.

— Похоже.

— Доступная геометрия?

— Возможно.

Лара посмотрела на них.

— Мне нравится, как быстро слово «невозможно» вышло из вашего словаря.

Андрей сверял одометрию разведчика с инерциальным блоком. Колёса утверждали, что машина проехала сорок два метра. Пространственные датчики Бункера давали шестнадцать с небольшим. Камера не показывала никаких скачков. Робот просто ехал по прямому коридору.

— Не телепортация, — сказал Андрей. — Локальная длина пути не равна длине между точками внешней схемы.

Ган улыбнулся.

— DISTANCE IS NOT A PATH PARAMETER.

Отец посмотрел.

Та самая запись Николая перед первым выходом к Андромеде.

Теперь она перестала быть загадочной фразой окончательно.

Коридор сам был доказательством.

После пятидесяти восьми метров робот вышел в небольшое помещение.

Вот там время действительно остановилось.

Не физическое.

Человеческое.

На стене висела доска с пожелтевшими листами миллиметровки. На металлическом столе стояли аналоговые приборы, несколько катушек, старый осциллограф, механический секундомер, коробка с резисторами, обмотанная бумажной лентой. В углу лежала куртка, покрытая пылью. На табурете — стакан из толстого стекла.

Андрей приблизил изображение.

Очень медленно.

— Это его стол.

Ган повернулся к отцу.

Андрей уже смотрел не на него.

— Уверен?

— Да.

Никаких объяснений не последовало.

Через несколько секунд он добавил:

— Этот микрометр был дома. Отец забрал его сюда за неделю до последнего опыта. Мать потом всё спрашивала, куда он делся.

На экране маленький металлический инструмент лежал среди проводов.

Тридцать девять лет.

Обычная вещь пережила человека в том месте, откуда он не вернулся.

Андрей закрыл изображение ладонью на секунду, потом убрал руку.

— Идём.

Лара ничего не сказала.

Ган тоже.

Перед входом каждый надел индивидуальный датчик и лёгкий страховочный пояс. Верёвку Андрей отверг сразу: если геометрия коридора действительно меняет отношение расстояний, механическая связь может создать больше проблем, чем безопасности. Вместо неё использовали локальные маяки через каждые несколько метров.

Первые двадцать шагов ничего не произошло.

Потом Ган обернулся.

Дверь Бункера казалась гораздо дальше, чем должна.

— Не смотри на длину, — сказал Андрей. — Смотри на маяки.

Один.

Второй.

Третий.

Связь стабильна.

Они продолжили.

Помещение Николая оказалось именно таким, каким его показала камера, но запахи и тишина делали его другим. Пыль лежала на всём, кроме узкой металлической полосы вдоль дальней стены.

Ган провёл датчиком.

— Здесь поле.

Андрей кивнул.

Стена выглядела глухой.

На ней никаких дверей.

Только четыре круглых переключателя старого типа.

Ган замер.

Четыре.

Андрей заметил одновременно.

Не стал комментировать.

Переключатели стояли не в ряд — квадратом.

В центре ничего.

Андрей подошёл к столу отца. Не рылся. Сначала долго смотрел, словно хотел понять, какое движение здесь было последним. Потом осторожно поднял тонкую тетрадь.

Почти все страницы пустые.

Несколько первых заполнены расчётами.

Последняя рабочая запись короткая:

17.04 / повторить только при независимом подтверждении непрерывности.

Ни года.

Ни объяснения.

Ни пророчества.

Обычная техническая заметка человека, который собирался вернуться к работе.

Андрей закрыл тетрадь.

Ган почувствовал, как дата цепляет память.

17.04.

Четыре семнадцать.

Слишком знакомо.

Но он уже научился не превращать всякое совпадение в готовую мистику.

— Может быть просто дата опыта.

— Может, — сказал Андрей.

Он положил тетрадь обратно точно туда, где взял.

Ни фотографии?

Уже записано камерами.

Не нужно превращать стол в археологический раскоп.

Лара подошла к четырём переключателям.

— Они механические?

Андрей проверил.

— Да.

— И что будет, если повернуть?

— Не знаю.

— Прекрасный ответ.

Ган посмотрел на центральное пустое место между ними.

Тонкая царапина на краске.

Круг.

Не нарисованный.

Протёртый пальцами?

Он провёл рукой рядом, не касаясь.

Датчик вспыхнул.

Пятая линия.

На секунду.

Исчезла.

Андрей подошёл.

— Ещё раз.

Ган приблизил ладонь.

Линия появилась.

Не на стене.

На экране.

Четыре слабых компонента вокруг его руки складывались в результирующую, которая возникала только в определённом положении относительно переключателей.

Лара тихо сказала:

— Пятое между четырьмя.

Никто не стал развивать.

Уже достаточно.

Андрей по очереди повернул четыре переключателя.

Первый — на четверть оборота.

Второй.

Третий.

Четвёртый.

Никакой двери не появилось.

Зато вся стена отступила.

Не открылась.

Именно отступила — как если пространство за ней стало глубже, а бетонная плоскость внезапно оказалась всего лишь ближайшим слоем.

Перед ними возник проход.

Света там не было.

Но в глубине угадывалось большое круглое помещение.

Ган почувствовал давление в ушах.

Лара сразу посмотрела на датчик.

— Стоим.

Все остановились.

Пульс Гана вырос.

Андрея — тоже.

Кислород нормальный.

Давление воздуха нормальное.

Полевые показатели начали расходиться.

Четыре компонента росли в разных направлениях, а общий вектор оставался почти нулевым.

Андрей поднял прибор выше.

— Центральный узел.

Впервые эти слова прозвучали рядом с самим местом.

Камера оказалась круглой, метров тридцать в диаметре. Human machinery — old coils, braces, cables, metal frames — occupied the outer perimeter. But the center did not look human-built.

The floor there changed material.

Concrete ended in a near-perfect circle about six meters wide, beyond which began dark stone with a faint metallic sheen. No seam, as if the Bunker had been built around something that was already here. Four massive radial structures extended from the walls toward the dark circle and stopped about a meter before it. Each looked half like an electromagnet, half like a piece of industrial machinery from a physics institute in the 1980s: copper windings, steel cores, ceramic insulators, improvised additions, newer modules grafted onto older ones.

And in the very middle of the dark stone sat a disk.

Matte.

Almost black.

About a meter across.

Nothing moved.

Nothing glowed.

After Andromeda, Gaan, Eiyaa, living fields, phase routes and the third medium, the center of the whole Bunker looked offensively modest.

Ган прошептал:

— И ради этого всё?

Андрей услышал.

— Не трогай.

— Я даже не двигаюсь.

— Это я себе.

По периметру проходила старая металлическая дорожка. Они пошли по ней медленно. Лара следила за физиологией, Андрей — за полем, Ган — за пространством, хотя не знал, что именно пытается заметить.

На противоположной стороне лежал стул.

Не кресло оператора.

Обычный складной металлический стул.

Рядом — держатель для блокнота.

Андрей остановился.

— Он сидел здесь.

— Николай?

Да.

На стене сохранилась фотография монтажной группы. Несколько людей в рабочих куртках. Никого невозможно было разглядеть хорошо из-за выцветания. Андрей даже не стал приближать.

Главное находилось ниже.

В полу рядом со стулом — прямоугольный слот.

Пустой.

На металлической рамке маркировка:

МОДУЛЬ 17

Ган посмотрел на отца.

— Что там было?

Андрей долго молчал.

— Калибровочный блок.

— Тот самый, который пропал в восемьдесят седьмом?

Отец повернулся.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Угадал по лицу.

Андрей выдохнул.

— Да. Его не нашли после опыта.

Лара присела рядом со слотом.
— То есть исчез не только человек.
— Нет. Несколько предметов. Часть оборудования. Два датчика. Этот блок.
— Взрыв?
— Следов разрушения почти не было.
Она встала.
Теперь чёрный диск в центре комнаты выглядел иначе.
Не потому, что изменился.
Потому что возникла история.
Тридцать девять лет назад здесь что-то ушло.
И не вернулось.

Андрей подключил современный анализатор к одному из старых разъёмов. К удивлению, контакт существовал. Система долго молчала. Потом на маленьком экране появилась строка.
Не современный интерфейс Бункера.
Старый.
Монохромный.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР

Ниже:

СОСТОЯНИЕ: ОЖИДАНИЕ ВОЗВРАТА

Лара перечитала дважды.
— Возврата чего?
Андрей нажал клавишу.
Экран обновился.

СОБЫТИЕ 1987: НЕ ЗАВЕРШЕНО
Ган почувствовал, как внутри что-то сжалось.
Андрей не двигался.
Ещё команда.
ОПЕРАТОР: Н. А. ГАН
СТАТУС НЕПРЕРЫВНОСТИ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН
— Это не значит, что он жив, — сказала Лара сразу.
Правильно.
Никто не спорил.
Система могла хранить незакрытую запись.
Потерянный датчик.
Оборванный маршрут.
Недостаток данных.
Человек не превращается в бессмертного от того, что старый компьютер не поставил отметку «завершено».
Андрей кивнул.
Но руки у него дрожали.
Совсем немного.
Ган заметил.
Не сказал.
На экране появилась новая строка:
ДВА УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА ПОДТВЕРЖДЕНЫ

Та самая формулировка, которая открыла дверь.
Дальше:
ВОЗВРАТ К ЦЕНТРУ ДОПУСТИМ

Андрей посмотрел на чёрный диск.
— Возврат кого?
Никакого ответа.
Он повторил команду.
Система вывела:

НОСИТЕЛЬ НЕПРЕРЫВНОСТИ: ОБНАРУЖЕН

Ган почувствовал, как Лара смотрит на него.
— Только не говори.
— Я ничего не сказал.
Андрей провёл анализ.
Индикатор действительно реагировал на Гана сильнее.
Не на ДНК.
Не на фамилию.
Система не знала, что он внук Николая в человеческом смысле.

Она видела другое: через поле Гана прошли Бункер, Гаан, Андромеда, нулевой поворот, несколько типов маршрутов, сэир, канон и третья среда. Его текущий контур содержал подтверждённую историю переходов, которая удовлетворяла тем самым двум условиям — способность изменяться и непрерывность через изменение.

— То есть если бы через всё это прошёл другой человек, система могла бы выбрать его? — спросила Лара.

Андрей проверил.
— Судя по логике — да.
Хорошо.
Никакого избранного по крови.
Просто Ган оказался тем, кто действительно прошёл дорогу.

Они не собирались отправлять человека в центр сразу.
Начали с разведчика.
Маленькая машина пересекла внешнюю металлическую дорожку.
Нормально.
Потом въехала на тёмный камень.
Первый метр.
Второй.
На третьем один датчик ориентации обнулился.
Колёса продолжали вращаться.
Камера работала.
Но гироскоп показывал отсутствие углового движения даже во время поворота.
Андрей остановил машину.
— Ещё раз.
Разведчик повернул вправо.
На видео очевидно.
Гироскоп — ноль.
Повернул влево.
Ноль.

— Сломался?

Лара:

— Очень своевременно.

Андрей запустил резервный.

Тот показывал то же.

Ориентация относительно комнаты менялась.

Внутренний датчик вращения почти ничего не регистрировал.

Ган подошёл ближе к границе тёмного камня.

— Как это возможно?

— Пока не знаю.

Робот продолжил к центру.

На расстоянии около метра от чёрного диска пропала ещё одна величина.

Локальный результирующий вектор поля.

Не стал слабее.

Исчез в пределах точности.

При этом отдельные компоненты оставались высокими.

Четыре направления.

Сильные.

Идеально компенсированные.

Лара посмотрела.

— Ноль, который состоит из большого количества не-нуля.

Андрей кивнул.

Красиво.

И опасно.

Машину подвели почти к самому диску.

Камера начала показывать странное.

Комната не искажалась.

Просто невозможно было определить, вращается робот или нет. Стены двигались относительно изображения, но любое собственное ощущение ориентации прибора словно отсутствовало.

Андрей вернул машину.

На обратном пути гироскоп начал работать.

У внешней границы всё пришло в норму.

Проверили время.

Основные часы робота показывали на одну целую и три десятых секунды меньше, чем внешний контроль.

Не катастрофа.

Но достаточно.

Второй прогон — другое число.

Ноль целых восемь.

Третий — почти два.

Никакой простой постоянной задержки.

— Не идём, — сказала Лара.

Андрей согласился.

Ган тоже.

Сегодня.

Именно это отличало их от первых месяцев Бункера. Возможность пройти больше не превращалась автоматически в обязанность.

Вместо этого они изучали комнату.
По старым кабелям постепенно восстановили схему.
Четыре радиальных установки создавали разные компоненты поля.
Николай и его группа не построили центральное явление.
Они нашли его.
Бункер вырос вокруг него.
Сначала как исследовательская площадка.
Потом как защитный комплекс.
Потом вокруг экспериментов появились архивы, резервные системы, переходные комнаты, те самые четыре стены, которые Ган когда-то считал всей своей реальностью.
Центр существовал раньше Бункера.
Ган посмотрел на чёрный диск.
Самое большое пространство внутри самого маленького.
Теперь ещё точнее.
Бункер не содержал центр.
Скорее был построен вокруг невозможности дать ему обычное место на карте.

На одной старой схеме Андрей нашёл отметку.
Не координату.
ОТСЧЁТ ВСЕХ ВЕТВЕЙ — ОТ Ц-0

— Поэтому центральный, — сказал он.
Ган подошёл.
— Не потому что посередине.
— Нет.
— А потому что от него считали всё остальное.
Андрей кивнул.
Коридоры.
Фазовые отклонения.
Первые ветви.
Даже старые модели BRANCH использовали это состояние как нулевую точку сравнения.
Центр не обязан находиться посередине пространства.
Достаточно, чтобы через него определялись отношения.

Ган вспомнил Мандалу.
Не картинку.
Способ видеть связи.
Если все направления определяются относительно одного состояния, центр может быть маленьким и при этом присутствовать во всей системе.
Он ничего не сказал.
Пока физика.

Ближе к вечеру произошло первое изменение.
Чёрный диск дрогнул.

Не физически.
По поверхности прошла тонкая светлая линия.
Одна.
Потом исчезла.
Андрей сразу проверил поле.
Никакого скачка.
Через минуту линия появилась снова, теперь с другой стороны.
Потом ещё.
Четыре коротких дуги.
Они не соединялись.
Каждая находилась напротив одного радиального контура.
Пятая возникла позже.
Не на диске.
В воздухе между четырьмя.
Совсем тонкая.
Ган видел только краем глаза.
Если смотрел прямо — почти исчезала.
— Ты видишь?
Лара:
— Да.
Андрей:
— Прибор тоже.
Хорошо.
Не галлюцинация.

Старый экран ожил без команды.

ВОЗВРАТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: 1

Ниже:

ОБЪЕКТ

Ган повернулся к пустому слоту «МОДУЛЬ 17».
Что-то щёлкнуло в центре.
Все отступили.
Чёрный диск оставался неподвижным.
Над ним появился маленький металлический отблеск.
Сначала точка.
Потом короткая линия.
Как предмет, который становился видимым не целиком, а постепенно входил в общую геометрию комнаты.
Лара подняла руку:
— Не подходить.
Никто и не собирался.
Металл возник полностью.
Небольшой цилиндр размером с ладонь.
Несколько секунд висел над диском на высоте сантиметра.
Потом упал.

Звук оказался почти смешным.
Обычный металлический стук.
После всего.

Андрей побледнел.
— Что?
Он не ответил.
Датчики сначала.
Радиация.
Температура.
Полевое состояние.
Ничего опасного.
Через пять минут Андрей подошёл.
Не к центру.
Использовал длинный механический захват.
Подтянул цилиндр по тёмному камню к краю.
Только там взял руками.
Повернул.
На металле сохранилась маркировка:

М-17

Ган посмотрел на пустой слот.
Туда он подходит идеально.

— Это он?
Андрей провёл пальцем по маленькой царапине возле номера.
— Да.
— Уверен?
— Я держал его до опыта.
Ган замолчал.
Вот теперь прошлое перестало быть только записью.
Предмет, исчезнувший в 1987 году, лежал в ладонях Андрея.
Не копия?
Проверят.
Не доказательство судьбы Николая?
Конечно нет.
Но модуль вернулся.
Через тридцать девять лет.

Лара сказала:
— Не открывать здесь.
Разумно.
Они отнесли М-17 в внешнее помещение и поместили в контейнер.
Материал оказался именно тем сплавом, который указан в старых документах.
Серийные микродефекты совпали с фотографиями.
Внутри — механический регистратор.
Не цифровой.

Настоящая инерционная система, потому что Николай не доверял одному типу измерений.

Андрей раскрыл корпус.
Маленький барабан.
Тонкая лента.
Несколько стрелок.
Одна из них стояла на пределе.
Вторая — почти на нуле.
Третья…
Андрей перестал дышать на секунду.
— Что?
Он показал.
Механический таймер.
Не питаемый от сети Бункера.
Расчётный рабочий запас — шесть часов.
Стрелка показывала:
00:03:17
Три минуты семнадцать секунд.

Ган посмотрел на часы Бункера.
Тридцать девять лет снаружи.
Три минуты семнадцать секунд внутри прибора.
Если механизм не был повреждён.
Если не остановился случайно.
Если показание вообще относится к времени так, как они привыкли.
Слишком много «если».
Но число существовало.

Андрей снял ленту регистратора.
Первые секунды обычные.
Потом четыре кривые начали сближаться.
Не к нулю каждая.
Их сумма.
Дальше запись становилась странной.
Один компонент менял знак.
Другой — фазу.
Третий рос.
Четвёртый уходил в противоположную сторону.
А результирующая линия лежала почти на оси.
Ноль.
Долго.
Затем механический барабан просто перестал двигаться.
Не сломался.
Следов заклинивания нет.
Через три минуты семнадцать секунд запись остановилась.
А сегодня продолжилась на долю оборота в момент возвращения.

Андрей сел.
Лара поставила перед ним свою недопитую уже холодную кружку.

Он машинально взял.
Не пил.
Ган стоял рядом.
Ему хотелось спросить о Николае.
Не стал.
Пока один предмет.
Только один.

Система в центральной камере снова подала сигнал.
Они вернулись к входу, уже не заходя глубоко.
Экран:
ВОЗВРАТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: ПРИОСТАНОВЛЕНА

Ниже:

ТРЕБУЕТСЯ УСТОЙЧИВЫЙ НОСИТЕЛЬ ПЕРЕХОДА
Ган прочитал.
— Опять я?
Андрей не ответил сразу.
Проверил.
— Вероятно, не ты конкретно. Но текущая система видит твоё поле как наиболее подходящее.
Лара:
— Сегодня нет.
— Я ничего не сказал.
— У тебя лицо.
Ган засмеялся.
Да.
Сегодня нет.
М-17 вернулся без их помощи.
Этого достаточно.

Они закрыли внешний проход, но центральная дверь больше не запиралась полностью. Механические ригели остались втянутыми. Будто Бункер считал решение окончательным.
Вечером Андрей перенёс модуль в лабораторию.
Ган пошёл обратно один.
Коридор снова оказался странным.
По маякам всё стабильно.
По ощущению — гораздо короче, чем утром.
Он вышел к знакомой комнате Бункера и на секунду остановился.
Четыре стены.
Стол.
Вода.
Свет.
Когда-то это пространство казалось ловушкой.
Потом оказалось дверью.
Дальше возникло дерево, миры, Андромеда, бессмертные, галактические поля, канон, третья среда.
И после всего этого путь снова привёл сюда.
Не назад.

В ту же точку на другом витке.

Лара догнала его.
— Андрей останется с прибором.
— Конечно.
— А ты?
— Не знаю.
Она посмотрела.
— Редкое состояние.
— Полезное.
Они дошли до комнаты с четырьмя стенами.
Ган сел на кровать.
Тишина.
Совсем простая.
Никаких галактик.
Он вдруг понял, что давно здесь не спал.
После открытия Гаан он часто оставался в других секторах, у воды, в Андромеде, рядом с переходом.
Сегодня захотелось именно сюда.

Ночью проснулся без причины.
Старые часы на стене работали.
Не 4:17.
Обычное время.
Он долго смотрел.
Потом закрыл глаза.
В голове не было образов Николая.
Не было красивой встречи через десятилетия.
Не было уверенности, что человек вообще может вернуться так же, как металлический модуль.
Была только одна вещь, которую теперь невозможно игнорировать:
событие 1987 года не завершилось так, как все считали.
Что это означает — неизвестно.
И хорошо, что неизвестно.
Пока.

Утром Андрей пришёл с распечаткой.
Не спал.
Ган увидел сразу.
— Нашёл?
— Кое-что.
Он положил на стол реконструкцию данных М-17.
Четыре линии.
Их результирующая.
Почти нулевая.
Рядом — схема центрального узла.
Андрей провёл пальцем по последнему участку записи.
— Смотри сюда.

За несколько мгновений до остановки механического барабана все четыре компонента продолжали меняться.

Сильно.

Ни один не был неподвижен.

Только сумма оставалась около нуля.

Ган посмотрел.

— Значит, центр не был неподвижным.

— Именно.

— Но прибор показывал ноль.

— Потому что движения компенсировали друг друга.

Ган вспомнил стоячую волну.

Четыре сигнала канона.

Реку.

Андромеданский постоянный поток.

Всё, чему они научились, словно постепенно приближало их к этой старой ленте.

Андрей положил рядом ещё один график.

Современный.

Вчерашний замер чёрного диска.

Почти тот же рисунок.

— Он всё это время работает?

— Похоже.

— Тридцать девять лет?

— Возможно, гораздо дольше.

— До Бункера?

Андрей посмотрел.

— Думаю, да.

Ган почувствовал холод вдоль спины.

Люди построили машины вокруг явления, которое уже умело удерживать огромные разнонаправленные движения так, что их общий результат выглядел покоем.

Не мёртвым покоем.

Наполненным.

Андрей сел напротив.

— Ещё кое-что.

Он достал фотографию старой схемы Николая.

В центре — круг.

Вокруг четыре стрелки.

Все направлены по-разному.

Подпись от руки:

«Ошибка — считать нулём отсутствие движения».

Ган перечитал.

Отец молчал.

Никакого объяснения не требовалось.

Тридцать девять лет назад Николай подошёл к самой границе идеи.

Потом исчез.

Теперь модуль вернулся.

Ган встал.

— Пойдём.
— Куда?
— В Центр.
Андрей посмотрел на него.
— Не внутрь.
— Я знаю.
— Только наблюдение.
— Да.
— Лара?
— Позовём.
Отец ещё секунду сидел.
Потом поднялся.

К полудню они снова стояли у тёмного круга.
Центральная камера уже не казалась заброшенной.
По четырём радиальным установкам шли слабые токи, хотя старая сеть всё ещё была физически отключена. Энергия возникала из самого взаимодействия полей. Несколько индикаторов, мёртвых десятилетиями, начали работать.
Чёрный диск оставался прежним.
Ган смотрел на него дольше.
Сначала ничего.
Потом заметил.
Очень тонкая полоска пыли возле края двигалась.
Медленно.
По кругу.
На другом краю — в противоположную сторону.
Ещё ближе к центру маленькая частица описывала третью дугу.
Разные движения.
Разные направления.
В самом центре лежала едва заметная крупинка.
Она не двигалась.
Ган наклонился.
Лара посмотрела на датчики.
Андрей — на поле.
Никто не говорил.
Вокруг центральной точки всё было полно движения.
Камера дышала токами, фазами, маленькими вращениями, взаимными компенсациями. Четыре компонента постоянно менялись, а результирующая продолжала держаться у нуля.
Крупинка в самом центре оставалась неподвижной.
Не потому, что вокруг ничего не происходило.
Наоборот.
Потому что вокруг происходило слишком многое — и всё это сходилось здесь без остаточного направления.
Ган стоял у края тёмного камня.
За спиной — Бункер.
Дальше Гаан.
Ещё дальше Андромеда.
За ней Млеко.

Все дороги, по которым он уходил наружу, неожиданно привели его к точке, находившейся в нескольких десятках шагов от комнаты, где когда-то началась его память.

И впервые Центр оказался перед ним открытым.

Глава 2. Нулевой Спин

Крупинка в самом центре тёмного диска оставалась неподвижной почти час.

Андрей сменил три прибора, переставил датчики, попросил Лару выйти за внешний контур, затем вернуться, отключил один из современных фазовых модулей и снова включил старую аппаратуру Николая. Результат упрямо сохранялся: вокруг центра происходило слишком много движения, чтобы назвать это покоем, но сумма вращательных составляющих возле центральной точки падала почти до предела измерения. Пыль у края диска медленно уходила по дуге вправо, чуть ближе к середине другая полоска двигалась в обратную сторону, на третьем радиусе направление менялось ещё раз. Если смотреть глазами, картина напоминала несколько вложенных водоворотов, которые почему-то не втягивали друг друга и не создавали общего вращения. Если смотреть на приборы, всё становилось ещё страннее: каждый отдельный компонент обладал вполне реальной величиной, иногда довольно большой, но результирующий момент почти исчезал.

Ган сидел на корточках у границы тёмного камня и следил за маленькой песчинкой в центре. Она была нелепо обыкновенной. Любая другая крупица пыли могла случайно упасть туда десятилетия назад, но теперь именно она показывала то, что сложнейшая техника объясняла хуже: вокруг всё вращается, а здесь ничего не тянет ни вправо, ни влево.

— Она приклеилась? — спросила Лара.

Андрей посмотрел на неё.

— Я тоже надеялся.

Он достал тонкую стеклянную иглу на длинном держателе, осторожно коснулся крупинки и сдвинул её на несколько миллиметров. Та легко покатилась. Никакого клея. После лёгкого толчка прошла крошечную дугу и снова остановилась чуть в стороне от прежней точки.

Андрей нахмурился.

— Ещё раз.

Второй толчок направил её в другую сторону. Крупинка двигалась медленнее, чем ожидалось, словно часть импульса куда-то уходила. Затем описала короткую кривую и остановилась почти точно в центре.

Ган поднял голову.

— Вернулась.

— Не торопись.

Третий толчок был сильнее. Крупинка пересекла центр, ушла дальше, попала в область, где внешнее вращение уже измерялось, и её сразу понесло по дуге. Андрей перехватил иглой, вернул ближе. Через несколько секунд она снова оказалась в маленькой центральной зоне и перестала двигаться.

— Теперь можно торопиться? — спросил Ган.

Андрей не ответил.

Он уже строил карту.

У центральной области обнаружился размер.

Не математическая точка. Небольшой круг диаметром около двадцати сантиметров, внутри которого результирующий вращательный момент становился настолько мал, что обычные механические датчики почти переставали отличать одно направление от другого. Чуть дальше начинался первый кольцевой слой, затем второй, третий. Каждый имел собственный характер вращения. Где-то доминировало одно поле, где-то другое, а между ними находились тонкие переходные зоны, в которых направление кратко распадалось и собиралось снова.

Ган смотрел на карту и чувствовал знакомство, которое пока не мог назвать. Четыре потока канона. Встречные волны. Фазовые сдвиги. Стоячая волна, которая казалась неподвижной именно потому, что движение шло одновременно в обе стороны. Здесь всё было сложнее, но сама логика уже встречалась: покой не обязательно означал отсутствие процесса.

Андрей вывел старую ленту М-17 рядом с современным графиком.

— Посмотри на этот участок.

Перед исчезновением модуля в 1987 году четыре компонента начали раскручиваться сильнее. Один положительный, второй отрицательный, третий менял фазу, четвёртый нарастал медленнее, но стабильно. Общий момент падал.

— Они увеличивали движения, чтобы получить ноль? — спросил Ган.

— Похоже.

Лара подошла ближе.

— Обычно, если хочешь остановить вращение, ты тормозишь.

— Обычно.

Андрей увеличил запись.

— Здесь сделали противоположное. Добавляли движение, пока противоположные моменты не скомпенсировались.

Ган посмотрел на чёрный диск.

— То есть центр достигается не уменьшением всего до нуля.

— Пока можно утверждать только то, что нулевая результирующая здесь возникает при очень ненулевых компонентах.

— Ты умеешь сделать красивую мысль ужасно скучной.

— Это моя работа.

Ган улыбнулся.

Но фраза уже осталась.

Ноль, который рождается из полноты движения.

Николай оставил больше данных, чем они увидели вчера.

М-17 содержал второй механический слой записи, почти незаметный под основной лентой. Андрей обнаружил его случайно, когда проверял царапину на внутреннем барабане. Под крышкой находилась узкая бумажная полоска, на которой отец писал карандашом прямо во время подготовки опыта.

Почерк становился хуже к концу, будто Николай записывал на ходу.

Несколько формул.

Пара сокращений.

Один вопрос:

«Если исчез остаточный момент, исчезает ли привилегированное направление перехода?»

Дальше:

«Ноль вращения ≠ отсутствие динамики».

И ниже, отдельно, обведённое дважды:

ZERO SPIN?

Ган прочитал вслух:

— Нулевой спин.

Андрей поморщился.

— Термин условный. В квантовую механику это не тащи.

— Я уже понял, что ты сейчас прочитаешь лекцию о том, что спин — не вращение шарика.

— Очень хорошо.

— Не читай.

Лара засмеялась.

Название осталось.

Не как строгий физический термин. Как рабочее имя состояния, которое Николай пытался создать: система полна вращательных компонентов, но ни одно направление не получает остаточного преимущества.

Нулевой Спин.

Ган посмотрел на центральную песчинку.

Теперь она лежала чуть левее прежнего места. Ничего магического. Просто область почти нулевого суммарного момента не была идеально точечной.

Но название подходило.

Первым внутрь отправили не человека и даже не робота.

Андрей собрал маленькую механическую конструкцию из двух свободно вращающихся колец, вложенных одно в другое. На внешнем кольце — красная метка. На внутреннем — белая. В обычной комнате, если повернуть устройство, гироскопическая система сохраняла направление и сразу показывала относительное вращение корпуса.

Ган взял в руки.

— Игрушка.

— Хорошие приборы часто похожи на игрушки.

— Поставим в центр?

— Сначала на край.

Конструкцию подвесили на тонкой нити над первым кольцевым слоем чёрного диска. Метки начали медленно уходить друг относительно друга. Внешнее поле передавало небольшой момент. Всё ожидаемо.

Чуть ближе.

Скорость уменьшилась.

Ещё.

У самой центральной зоны оба кольца почти остановились.

Андрей повернул подвес сверху.

Корпус развернулся.

Красная и белая метки остались почти там же относительно комнаты.

Нормальный гироскоп.

Потом опустил устройство ещё на несколько сантиметров.

Ган заметил первым.

Обе метки перестали держать внешнее направление.

Не начали крутиться. Наоборот. При повороте подвеса прибор почти не реагировал. Его внутренняя система словно больше не могла решить, что считать поворотом относительно окружающей комнаты.

Андрей повторил.

Повернул подвес вправо.

Показания — почти ноль.

Влево.

Почти ноль.

Поднял выше.

Сразу появилась обычная реакция.

Опустил.

Исчезла.

Лара нахмурилась.

— То есть ориентация пропадает?
— Относительно этого внешнего контура — да.
— А сам прибор?
— Цел.
Ган подошёл на шаг ближе.
— Получается, в центре нет предпочтительного вращения.
Андрей посмотрел на запись Николая.
— Похоже, именно это он имел в виду.

На следующем опыте они добавили вращение намеренно.

Небольшой ротор раскрутили вправо и опустили к центру. На внешнем кольце он вращался долго. В следующей зоне скорость менялась. В центральной — не остановился мгновенно, но начал терять связь между механическим вращением и измеряемым полевым моментом. Часть энергии оставалась в самом роторе, однако поле больше не поддерживало его направление как значимое.

Потом раскрутили влево.

Почти то же.

Два противоположных вращения входили в центр разными, а выходили из него как два обычных механических движения, которым окружающая система больше не приписывала привилегии.

Ган сказал:
— Будто центр не спорит ни с одним направлением.
Андрей задумался.
— Скорее оба направления там равно допустимы.
— Это и есть то, что я сказал.
— Нет.
— Конечно.

Через час случилось первое действительно странное.

Они разместили два одинаковых ротора по противоположным краям центральной зоны. Один вращался вправо, другой влево. Скорости подобрали так, чтобы внешние моменты почти совпадали.

Пока роторы находились далеко друг от друга, ничего.

Когда их приблизили к центру, между ними возник слабый третий рисунок поля.

Не новый вращающий момент.

Маленькая область повышенной связности.

Андрей увеличил чувствительность.
— Вот это интересно.
Тайр, подключённая из Андромеды, уже просила данные.
Нэр сидел рядом с ней и молчал.
Ган смотрел на два ротора.
— Опять пятое между четырьмя?
— Здесь два.
— Не буквально.
Андрей понял.

Когда противоположности скомпенсировали общий момент, исчезло доминирующее направление. Освободилась возможность для другого отношения между системами. Раньше большая часть взаимодействия уходила на взаимное вращательное превосходство. Теперь остатка почти нет, и слабая связь, которую прежде теряли в шуме, стала заметной.

Лара сказала:

— То есть ноль не пустой.

— Не в этом опыте.

— Андрей.

— Я не дам вам превратить два ротора в метафизику за двадцать минут.

Ган улыбнулся.

— За тридцать?

— Нет.

Тайр предложила четвёртый компонент.

Николай работал именно с четырьмя.

Они поставили четыре маленьких ротора крестом. Два вращались в одном направлении, два в противоположном, фазы сдвинуты. Простая симметрия не работала: система давала остаточную пульсацию. Тогда Андрей начал менять времена входа, почти как в каноне.

Первый.

Через задержку второй.

Третий.

Четвёртый.

Общий момент прошёл через ноль.

На долю секунды центральная область резко стала шире.

Ган увидел это даже без экрана.

Пыль по краю диска словно остановилась целым кольцом.

Потом движение вернулось.

— Ещё.

Андрей повторил.

На этот раз Тайр дала точный фазовый сдвиг по данным Млеко.

Четыре ротора вошли.

Общий момент уменьшился.

Центральная область расширилась почти вдвое.

И между четырьмя установками появилась тонкая световая плёнка.

Не вертикальная.

Она лежала над диском на высоте нескольких миллиметров, как поверхность воды без воды.

Через секунду исчезла.

Нэр в Андромеде встал.

Тайр остановила запись.

Андрей замер.

Ган прошептал:

— Это уже было в восемьдесят седьмом?

Отец открыл старую ленту.

Один участок.

Именно перед исчезновением М-17 четыре компонента вошли в похожий фазовый рисунок.

Не точный.

Но родственный.

— Да, — сказал Андрей. — Похоже, они дошли до этого.

— Случайно?

— Вряд ли.

Он посмотрел на запись Николая.

Отец знал, что ищет.

Не всё.

Но достаточно, чтобы построить опыт.

К вечеру слово «центр» стало слишком грубым.

Центральная зона менялась по размеру. Сдвигалась на миллиметры. Иногда распадалась на две области. Иногда превращалась в тонкий круг. Она зависела от отношений между четырьмя компонентами, а не от фиксированной точки на камне.

— Значит, центр можно переместить? — спросил Ган.

Андрей:

— В пределах структуры — да.

— Тогда это не место.

— Состояние.

Вот.

Ган подошёл к внешней границе тёмного камня.

Никакого страха пока не было.

Лара увидела движение.

— Даже не думай.

— Я просто стою.

— Ты всегда просто стоишь за секунду до того, как перестаёшь просто стоять.

Андрей усмехнулся.

— Она тебя изучила.

— Все меня изучили.

Ган посмотрел на диск.

Если Центр — состояние, тогда войти в него физически недостаточно.

Можно поставить человека ровно на середину и не получить Нулевой Спин, если его собственный контур вносит остаточное направление.

И наоборот: возможно, небольшая зона нулевого вращения может возникнуть вокруг человека, если его внутренние и внешние отношения скомпенсированы.

Мысль была уже слишком близка к тому, что Николай пытался сделать.

Андрей сказал:

— Не сегодня.

Ган повернулся.

— Ты прочитал мысли?

— Нет. Лицо.

Проклятое лицо.

Они ушли из камеры только после полуночи.

М-17 оставили подключённым к анализатору. Центральный контур перевели в пассивное наблюдение. Четыре экспериментальных ротора выключили. Пыль снова начала свой медленный раздельный танец.

На выходе Ган обернулся.

Чёрный диск выглядел мёртвым.

Он уже знал, насколько это неверно.

Ночью ему не снился Центр.

Он вообще почти не спал.

Не из возбуждения.

Внутри существовала странная незавершённость. Андромеда дала два принципа, которые казались достаточными: изменяться и сохранять себя. Теперь Центр показывал третье измерение проблемы.

Допустим, ты умеешь меняться.

Допустим, умеешь сохранять линию продолжения.

Но как происходит **сам момент выбора направления**, если перед тобой несколько возможных продолжений?

Третья среда умела оценивать функцию.

Прототип — историю.

Живое тело — собственные уровни устойчивости.

Однако в центральной зоне Бункера сама физическая система входила в состояние, где ни одно направление вращения не доминировало.

Как из него появляется следующее?

Утром Ган пришёл раньше Андрея.

Не вошёл в камеру.

Сел в помещении Николая.

Стол.

Микрометр.

Пыль.

Пустой стакан.

Тетрадь.

На этот раз он позволил себе посмотреть внимательнее.

На второй странице, между расчётами, стояла фраза, которую вчера пропустили:

«Переход нельзя начинать из движения, которое уже выбрало направление. Иначе это не переход, а продолжение инерции».

Ган перечитал.

Карма.

Инерция узора.

Слово всплыло само, но он не стал приписывать Николаю чужую философию. Физик писал о системе полей. О вращении. О фазах.

И всё же связь была слишком ясной.

Если система уже имеет остаточный момент, следующий ход не свободен полностью. Даже при множестве возможных путей один из них заранее получает преимущество.

Для настоящего перехода нужно состояние, где старое вращение перестаёт диктовать новое.

Нулевой Спин.

Андрей вошёл через несколько минут.

Увидел тетрадь.

— Нашёл?

Ган показал.

Отец прочитал.

Сел напротив.

— Он говорил такое и дома.

— Про поля?

— Не всегда.

Ган поднял глаза.

Андрей провёл пальцем по краю стола.

— Когда я был подростком, он иногда повторял, что большинство решений человек принимает раньше, чем понимает, что выбирает. Привычка уже толкнула, страх уже толкнул, желание доказать что-то тоже. Потом сознание только придумывает хорошее объяснение.

— Похоже на него?

— Очень.

Ган улыбнулся.

Впервые Николай начал становиться не архивной фигурой.

Человеком, который мог говорить что-то за кухонным столом.

Андрей заметил это в лице сына.

— Не делай из него святого.

— Я ничего.

— Он был тяжёлый человек.

Пауза.

— Очень.

Ган кивнул.

Не сейчас.

Но эта дверь тоже открылась.

В Центре они начали с простого.

Не человека.

Маятник.

Длинная нить с небольшим грузом подвесили над центральной зоной. Снаружи дали толчок. Маятник пошёл по обычной дуге. На первом кольце траектория чуть повернулась. Ближе к центру стала эллиптической. В самой зоне Нулевого Спина колебание перестало сохранять одну плоскость и начало медленно менять её.

Андрей записывал.

Ган смотрел.

Если дать движение вправо, оно не исчезает. Но система постепенно снимает привилегию плоскости, в которой оно началось. Энергия остаётся, а направление перестаёт быть главным.

Это было куда интереснее остановки.

Потом Андрей сделал маленькое возмущение.

Всего лёгкий воздушный импульс сбоку в момент, когда маятник проходил через центральную точку.

Снаружи такой толчок почти ничего бы не изменил.

Здесь изменил всю дальнейшую траекторию.

Плоскость колебания ушла в другое направление.

Ган замер.

— Ещё.

Повторили.

Новый слабый импульс.

Другой выход.

Ещё.

Нулевой Спин не создавал направление.

Он делал систему необычайно чувствительной к малому воздействию.

Пока старое вращение велико, слабый толчок почти незаметен. Когда остаточный момент близок к нулю, даже маленькая асимметрия способна определить новый путь.

Лара сказала:

— Это уже немного пугает.

Да.

Ган тоже это почувствовал.

Свобода в центре означала уязвимость.

Если никакая старая инерция не доминирует, тогда маленькое внешнее воздействие получает огромную власть.

Нулевое состояние само по себе ещё не свобода.

Без различения оно может стать местом, где тебя легче всего толкнуть.

Андрей посмотрел на сына.

— Вот теперь твоя философия пригодится.

Ган удивился.

— Запишу дату.

Отец не улыбнулся.

— Серьёзно. Если мы когда-нибудь пустим человека внутрь, недостаточно убрать остаточный момент. Нужно понимать, что будет определять первый выход.

Вот.

Тайр подключилась.

Нэр тоже.

Они провели тот же опыт в модели третьей среды. Система входила в область, где несколько внутренних тенденций почти уравновешивали друг друга. Если в этот момент дать внешний сигнал, она легко принимала новое состояние.

Слишком легко.

Если сигнал полезный — прекрасно.

Если случайный — система могла закрепить случайность как новое направление.

Третья среда уже умела проверять функцию, поэтому часть плохих выходов позже исправляла. Но самый первый импульс всё равно имел непропорционально большое значение.

Аэон, услышав обсуждение, произнёс местную фразу.

Эл перевёл:

— Перед первым шагом особенно важно знать, чей это шаг.

Ган посмотрел.

Хорошо.

Нэр предложил внутренний ориентир.

Не направление движения.

Принцип, который система сохраняет даже в нулевом состоянии.

Как маршрут Бункер — Андра сохранял взаимное узнавание концов, хотя все промежуточные координаты менялись.

В Центре тоже нужен такой якорь.

Не куда идти.

Что нельзя потерять независимо от выбранного пути.

Ган вспомнил две фразы Андромеды.

Я способен изменяться.

Я способен сохранять себя.

Вместе они становились чем-то третьим.

Если убрать прежнее движение, но сохранить себя, новое направление может возникнуть без уничтожения непрерывности.

Возможно, именно поэтому центральная система ждала **двух условий**.

Она не открывалась просто потому, что научилась обнулять вращение. Николай это умел в 1987 году.

Не хватало другого.

Носителя, который способен пройти через нулевое состояние и не раствориться в первом случайном выходе.

Андрей посмотрел на старый экран.

— Поэтому он не вернулся.

Никто не ответил сразу.

Слишком быстро.

Лара первой:

— Мы этого не знаем.

— Да.

Андрей провёл рукой по лицу.

— Но они могли открыть нулевое состояние и не иметь способа удержать непрерывность после перехода.

Возможность.

Не факт.

Николай мог погибнуть.

Мог попасть в недоступную ветвь.

Могло случиться что угодно.

Но впервые исчезновение 1987 года получало физическую гипотезу, а не только семейную рану.

Возвратная последовательность тем временем оставалась приостановлена.

Система ждала устойчивого носителя перехода.

Ган понимал, что рано или поздно им придётся проверить его собственный контур.

Не сегодня?

Лара посмотрела на него.

Он рассмеялся.

— Я даже ничего не сказал.

— У тебя…

— Да, да. Лицо.

Первым человеческим опытом сделали не вход в Центр.

Только приближение.

Ган согласился.

Лара поставила пределы по пульсу, нервной активности и полевым показателям. Андрей настроил аварийное прекращение четырёх внешних компонентов так, чтобы центральная зона схлопнулась в обычное состояние за доли секунды. Тайр наблюдала из Андромеды. Маэй потребовала видеть медицинские данные, хотя человек находился в другой галактике. Нэр сидел рядом с ней, слишком спокойный для человека, который прекрасно понимал, что смотрит на начало опыта, связанного с его собственной будущей мечтой о теле третьей среды.

Ган снял обувь.

Почему?

Сам не знал.

Тёмный камень казался прохладным.

Он поставил одну ногу на внешний край.

Ничего.

Вторую.

Лёгкое давление в ушах.

Шаг.

Первое кольцо.

Появилось ощущение, будто тело чуть опережает собственную тень, хотя света почти не менялось.

— Показатели нормальные, — сказала Лара.

Ещё шаг.

На втором кольце пространство перестало ощущаться ровным. Не наклонилось. Просто тело начало хуже понимать, где «вперёд» относительно комнаты. Глаза видели Андрея у края. Ноги знали положение пола. Но внутреннее чувство ориентации стало менее убедительным.

Ган остановился.

— Как?

— Странно.

— Конкретнее.

— Всё на месте. А привычка считать одно направление главным становится слабее.

Андрей посмотрел на прибор.

— Твой вестибулярный аппарат работает нормально.

— Значит, не он.

Ещё шаг.

До центральной зоны оставалось около метра.

Пульс вырос.

Лара велела остановиться.

Ган остановился.

Не спорил.

Внутри возникало что-то неожиданное.

Не страх.

Скорее желание продолжить только потому, что направление уже задано.

Он заметил это почти физически.

Вошёл на диск — хочется идти к центру.

Просто потому, что начал.

Инерция решения.

Ган рассмеялся.

— Что?

— Ничего. Николай был прав.

Он сделал шаг назад.

Лара удивилась.

Андрей тоже.

— Почему?

— Потому что мне захотелось вперёд только из-за того, что я уже шёл вперёд.

Отец смотрел несколько секунд.

Потом кивнул.

Хорошо.

Первый опыт закончился.

На следующий день Ган вошёл снова.
Тот же предел.
Остановился раньше.
Вернулся.
Третий раз — дошёл ближе и сел прямо на тёмный камень.
Андрей возмутился.
— Что ты делаешь?
— Убираю задачу идти.
Не идти в центр.
Не выходить.
Просто сидеть.
Лара посмотрела на показатели.
Нормально.
Так они оставили его на десять минут.
Потом пятнадцать.
Никаких видений.
Никаких голосов.
Чёрный диск не открывал космос.
Ган сидел и слушал собственное дыхание.
Через несколько минут заметил, что очень трудно не превращать покой в ожидание события.
Ум постоянно спрашивал: когда начнётся?
Не началось.
Именно это стало самым интересным.

На четвёртом опыте он сел ближе.
Нулевой Спин ещё не достигнут.
Но влияние внешних вращательных компонентов уже уменьшало ощущение предпочтительного направления.
Ган закрыл глаза.
Комната исчезла.
Остались тело, дыхание, шум вентиляции, слабое давление поля.
И привычные внутренние движения.
Мысль о Николае.
Желание открыть тайну.
Страх.
Интерес.
Желание доказать, что способен.
Желание не выглядеть безрассудным перед отцом.
Всё это имело направление.
Каждая мысль уже толкала.

Он понял, что физический остаточный момент — самая простая часть.
Человек приходит в любую точку выбора уже вращающимся.
В нём работают старые обещания.
Обиды.
Любовь.
Страх смерти.
Желание быть правым.

Память.

Тело.

Чужие ожидания.

Даже стремление к свободе может быть очередным толчком в заранее выбранную сторону.

Можно поставить тело в идеальный физический ноль и всё равно продолжить вчерашнее движение.

Ган открыл глаза.

Андрей стоял у края.

— Всё?

— На сегодня.

Он вышел.

Лара посмотрела с подозрением.

— Сам?

— Сам.

— Начинаю волноваться.

В помещении Николая Андрей наливал воду.

Ган сел.

Несколько минут молчали.

Потом спросил:

— Он тоже входил постепенно?

Отец посмотрел на старые журналы.

— Нет.

— Почему?

— Они спешили.

Вот.

В 1987 году экспериментальное окно зависело от редкого сочетания внешних геомагнитных и локальных условий. Следующее ожидалось неизвестно когда. Группа Николая готовилась месяцами. В день опыта несколько параметров совпали раньше расчётного времени.

Они вошли в программу.

Сразу.

М-17.

Четыре контура.

Центральный диск.

Оператор.

Николай.

— Один? — спросил Ган.

— В центре — да. Остальные снаружи.

— Ты был здесь?

Андрей долго молчал.

— Нет.

Ган поднял глаза.

— Где?

— Наверху.

Пауза.

— Мы поссорились за два дня до опыта.

Вот она.
Другая история.
Андрей не продолжил.
Пока.

Ган не спрашивал.
Следующая глава уже стояла рядом, хотя никто её не называл.
Сейчас Центр.
Нулевой Спин.

Через неделю человек впервые вошёл в центральную зону.
Не Ган.
Андрей отказался разрешать опыт на сыне без сравнительных данных.
Выбрали простейший вариант: никто из людей не входит. Использовали биомеханический манекен с имитацией массы, тепла, электропроводности тканей и несколькими активными полевыми контурами, основанными на данных Гана, но без мозга и сознания.
Он дошёл.
Центр принял.
Ничего.
Потом Андрей изменил один внешний компонент на долю процента.
Манекен начал поворачиваться.
Убрал.
Остановился.
С другой стороны.
Поворот противоположный.
Малое воздействие определяло направление.
Но когда внутрь модели добавили медленный контур сохранения ориентации, основанный на принципе взаимного узнавания состояний, результат изменился. Система перестала мгновенно следовать каждому импульсу. Слабые случайные возмущения проходили. Более устойчивое воздействие постепенно принималось.
Третья среда в миниатюре.
Нулевой Спин плюс память себя.

Нэр смотрел из Андромеды.
Его лицо стало почти молодым.
Не внешне.
Вниманием.
Ган видел, что старик понимает то же самое.
Вот возможный ключ к телу, которое сможет входить в глубокое изменение, не становясь рабом каждого воздействия.
Не сохранить одну форму.
Сохранить способность различать:
это проходит через меня;
это меняет меня;
это выбираю я.
Конечно, последняя фраза для технического манекена была только метафорой.
Для человека — уже нет.

Когда наконец разрешили Гану сделать ещё один шаг, он не чувствовал торжества.

Центральная зона начиналась прямо перед ним.

Двадцать сантиметров физического пространства.

Гораздо больше внутри.

— Если хоть один показатель выйдет за пределы, я прекращаю, — сказала Лара.

— Да.

— Не споришь?

— Нет.

— Мне это всё меньше нравится.

Андрей подошёл.

— Не обязан.

— Я знаю.

Ган посмотрел на него.

— Именно поэтому и могу.

Отец ничего не ответил.

Шаг.

Внешний шум комнаты словно отдалился.

Не исчез.

Просто перестал иметь направление.

Ган видел Андрея.

Лару.

Четыре радиальных установки.

Чёрный диск.

Но пространство больше не собиралось вокруг привычного «я стою здесь и смотрю туда». Каждый объект оставался на месте, а внутреннее предпочтение одной ориентации ослабло почти до смешного.

Пульс.

Дыхание.

Тело.

Всё есть.

Он поднял руку.

Движение произошло.

Опустил.

Никаких проблем.

Повернулся.

Вот здесь стало странно.

Поворот существовал для глаз и мышц.

Но внутреннее ощущение «я изменил направление относительно мира» пришло с задержкой.

Ган остановился.

Лара:

— Выходи.

— Я нормально.

— Я не спрашивала.

Он вышел.

Сразу.

На внешнем кольце ориентация вернулась так резко, что его качнуло.

Андрей поймал за плечо.

Ган засмеялся.

— Вот теперь понял.

— Что?

— Там движение не пропадает. Пропадает привычка мира подтверждать, что движение выбрало главное направление.

Лара проверяла зрачки.

— Очень поэтично. Смотри на палец.

Он посмотрел.

Через несколько минут показатели нормализовались.

Тайр прислала графики.

Внутри центральной зоны собственное поле Гана тоже начало перераспределяться. Не до нуля. Но некоторые устойчивые асимметрии ослабли. Те, что появились после Андромеды, реагировали мягче. Старые — глубже — почти не менялись.

Нэр показал:

слои.

Да.

Даже Нулевой Спин не обнуляет человека целиком.

И слава богу.

Ган посмотрел на Андрея.

— Я хочу ещё раз.

Отец:

— Завтра.

— Почему?

— Потому что сегодня ты уже получил достаточно нового, чтобы твой собственный контур перестал быть тем же, с которым вошёл утром.

Ган улыбнулся.

— Это очень Андромеданский ответ.

— Я учусь.

Ночью центральная система выдала новую строку.

Без вызова.

Андрей разбудил Гана.

На экране:

НОСИТЕЛЬ: СОВМЕСТИМ ЧАСТИЧНО

Ниже:

ОСТАТОЧНЫЙ ВЕКТОР СОХРАНЯЕТСЯ

Ган прочитал.

— Во мне?

— Похоже.

— Какой?

Система не отвечала.

Только величина.

Довольно большая.

Направление не физическое в обычном смысле. Смешанный контур.

Андрей попробовал разложить.

Часть связана с биологией.

Часть с полем Гаан.
Часть с Андромедой.
И ещё один компонент.
Старый.
Очень устойчивый.
Он существовал в самых ранних записях Гана, ещё до выхода из Бункера.
— Что это?
Андрей молчал.
Потом вывел архив.
Сравнил.
Компонент резко усиливался каждый раз, когда в данных появлялся один человек.
Не Лея.
Не Лара.
Не Николай.
Андрей.
Ган посмотрел на экран.
Отец тоже.

Несколько секунд никто не говорил.
Потом Андрей закрыл график.
Слишком поздно.
Ган уже увидел.
— Это ты.
Отец медленно сел.
— Похоже, связь со мной.
— Остаточный вектор?
— Не делай выводов раньше данных.
— Я и не делаю.
Но внутри уже стало тихо.
По-другому.

Центр не просил Гана отказаться от отца.
Не стирал связь.
Не называл её ошибкой.
Он показывал лишь то, что эта связь имеет направление.
Сильное.
Старое.
Возможно, настолько старое, что Ган привык считать его частью самого пространства.
Нулевой Спин не уничтожает связи.
Он делает видимым их момент.
То, куда они толкают.

Ган посмотрел на Андрея.
Человек, который учил его ответственности.
Которого он искал.
С которым спорил.
Которому хотел доказать, что способен пройти дальше.
Которого боялся потерять.
Чьё одобрение замечал даже тогда, когда убеждал себя, что давно не нуждается.

Всё это не было плохим.
Именно поэтому сложнее.
Сильнейшая инерция редко состоит только из того, что мы ненавидим.
Иногда она сделана из любви.

Андрей поднялся.
— Сегодня спим.
Ган рассмеялся.
— Вот прямо приказ?
— Да.
— Почему?
— Потому что три часа ночи.
Он пошёл к двери.
Ган остался на секунду.
Старые часы на стене показывали обычное время.
Не 4:17.
Хорошо.
Некоторые моменты не обязаны превращаться в символ.

Утром они снова пришли к Центру.
Не втроём.
Вдвоём.
Лара осталась за внешней дверью с медицинским каналом. Ган сам попросил.
Андрей не возражал.
Тёмный диск молчал.
Четыре компонента работали.
В центре крупинка снова лежала неподвижно.
Отец и сын стояли у края.
Ган впервые не смотрел внутрь.
Смотрел на Андрея.
Между ними было слишком много истории, чтобы убрать её одним красивым пониманием.
И впервые Центр не казался местом, куда нужно идти дальше.
Он оказался точкой, из которой можно было наконец увидеть, какое движение человек всё это время принимал за собственное.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА
Глава 3. Отец

Андрей первым отвёл взгляд.

Не потому, что ему стало неловко. Скорее он сделал то, что делал всю жизнь, когда разговор подходил слишком близко к месту, где слова уже нельзя было заменить действием: проверил прибор. Поднял с края консоли датчик, посмотрел на значения четырёх компонентов, чуть изменил чувствительность и только потом сказал, не поворачиваясь к сыну:

— Ну и что ты увидел?

Ган стоял у границы тёмного камня. Центральная крупинка оставалась почти неподвижной, вокруг неё двигались кольца пыли, четыре радиальных контура едва слышно гудели, и всё вместе создавало то невозможное спокойствие, которое уже нельзя было принять за отсутствие движения. Вчера система показала старый устойчивый компонент в его собственном поле — связь с Андреем, существовавшую ещё до Андромеды, до Гаан, до белой двери, почти до самого начала доступных записей. Никакой прибор не мог сказать, что означала эта связь для человека. Он лишь показывал её силу и направление.

— Тебя, — ответил Ган.

Андрей усмехнулся.

— Очень информативно.

— А ты хочешь график?

— График хотя бы не обижается на интерпретацию.

— Ты тоже не особенно стараешься.

Теперь отец посмотрел.

Несколько секунд они молчали.

Ган ожидал привычного движения: Андрей переведёт разговор к Николаю, системе, данным, центральному узлу, чему угодно, где можно опереться на измерение. Но тот вдруг поставил датчик обратно.

— Хорошо. Тогда без графика.

Он сел на складной металлический стул Николая.

И это сразу изменило комнату.

Ган раньше видел этот стул пустым, видел рядом старый блокнот, видел его на архивной фотографии. Он принадлежал другой истории. Теперь на нём сидел Андрей — сын человека, исчезнувшего здесь в 1987 году, и отец человека, который через тридцать девять лет стоял у того же центрального диска. Никакой символики придумывать не требовалось. Реальность сама собрала три поколения в одном помещении, хотя один из них присутствовал только следами.

— Я не знаю, что система считает «остаточным вектором», — сказал Андрей. — И не собираюсь делать вид, что знаю. Но если ты хочешь понять, куда тебя толкает связь со мной, придётся говорить не о поле.

— Я именно поэтому и здесь.

— Нет. Ты здесь потому, что хочешь попасть в Центр.

Ган хотел возразить, но остановился.

Андрей был прав.

Не полностью.

Но достаточно.

— И это связано.

— Возможно.

Отец провёл ладонью по колену, посмотрел на чёрный диск и добавил:

— Я тоже когда-то хотел войти сюда.

Вот этого Ган не ожидал.

— Когда?

— До его опыта.

Он показал взглядом на стол Николая.

— Мне было двадцать с небольшим. Я уже понимал достаточно, чтобы быть опасным, и недостаточно, чтобы понимать, насколько мало я понимаю.

— Ты работал с ним?

— Иногда. Формально — нет. Он не хотел смешивать семью и проект. Фактически таскал меня сюда с шестнадцати лет, потому что ему нужен был человек, который мог быстро собрать схему, перепаять плату, не задавать лишних вопросов и был счастлив сидеть ночью в подземелье.

Ган улыбнулся.

— Звучит знакомо.

— Именно это мне и не нравится.

— Во мне?

— В нас.

Андрей сказал это спокойно, но слово осталось висеть между ними гораздо дольше.

В тот день они не приближались к центральной зоне.

Вместо этого Андрей открыл старый шкаф в помещении Николая, тот самый, который прежде они не трогали. Замок давно не работал, но дверцу заклинило от времени. Пришлось поддеть её плоским инструментом. Внутри лежали папки, катушки кабеля, несколько дешёвых перчаток, пачка старых батареек, маленькая походная фляга и фотография в прозрачном пластиковом кармане. Не лабораторная. Домашняя.

На ней молодой Андрей стоял возле велосипеда.

Лет пятнадцать.

Рядом Николай.

Оба смотрели не в камеру, а куда-то вправо, будто фотограф поймал их между событиями. Николай держал руку на руле, Андрей что-то говорил. Обычная летняя фотография. Никакого Центра. Никакой физики.

Ган взял снимок только после того, как Андрей кивнул.

— Где это?

— Под Калугой. Ездили к друзьям отца. Он обещал рыбалку. В результате мы два дня чинили им генератор.

— Хороший отдых.

— Для него — идеальный.

На обратной стороне было написано: **1980**.

Андрей забрал фотографию, долго смотрел, потом положил не обратно в шкаф, а на стол.

— Он умел быть хорошим отцом?

Вопрос вырвался раньше, чем Ган успел решить, имеет ли право его задавать.

Отец не обиделся.

— Иногда.

Это «иногда» оказалось куда честнее ожидаемого ответа.

— А иногда?

— Иногда он вообще забывал, что у других людей есть собственное время.

Ган сел на край второго стола.

Андрей продолжил не сразу.

— Он мог пообещать приехать и не приехать. Не потому что напился, не потому что ему было всё равно. Он просто входил в задачу и переставал чувствовать всё, что находилось за её пределами. Ты мог ждать его у школы два часа. Потом он появлялся и был искренне удивлён, что прошло столько времени. Мать злилась. Я злился. Он извинялся. Потом повторял.

Ган смотрел на человека на фотографии.

Не герой.

Не мученик науки.

Отец, забывающий забрать сына.

Так Николай сразу стал гораздо ближе к реальности.

— И ты поэтому стал таким?

Андрей поднял голову.

— Каким?

— Тем, кто всегда приходит.

Несколько секунд отец ничего не говорил.

Потом усмехнулся.

— Возможно.

Ган вспомнил мастерскую. Воду. Крышу. Грязные руки отца. Все те маленькие действия, которые раньше казались просто его характером. Андрей не обещал много. Делал. Чинил. Приезжал. Перезванивал. Если говорил, что будет в девять, появлялся в восемь пятьдесят. Если не мог, сообщал заранее.

То, что Ган много лет воспринимал как естественный порядок мира, могло оказаться ответом сына на отцовскую непредсказуемость.

Не теорией.

Привычкой, выросшей из ожидания возле школы.

— Ты построил себя против него.

Андрей покачал головой.

— Частично. И это не всегда хорошо.

— Почему?

— Потому что если всю жизнь строишься «не как отец», отец всё равно участвует в каждом решении.

Ган замолчал.

Вот и Нулевой Спин.

Даже отрицание сохраняет направление.

Если идти всю жизнь на север только потому, что другой шёл на юг, юг всё равно определяет твою дорогу.

Андрей достал из шкафа флягу.

Потряс.

Пустая.

— Эту я ему подарил.

— Зачем она тут?

— Он всё забывал пить воду.

Ган засмеялся.

— Ты уже тогда был отцом собственного отца.

Андрей хотел возразить, но тоже улыбнулся.

— Иногда.

Он поставил флягу рядом с фотографией.

— В последнюю неделю перед опытом мы поссорились именно из-за этого. Не из-за физики сначала.

— А из-за чего?

— Из-за матери.

Ган не перебивал.

— Он обещал поехать с ней в больницу. Ничего серьёзного, обследование. Но для неё было важно. В день поездки здесь возникло окно по полю, не то самое финальное, просто интересная конфигурация. Он остался. Позвонил за час и сказал, что не сможет. Я поехал вместо него.

Андрей провёл пальцем по старой фотографии.

— Вечером приехал сюда и сказал ему всё, что думал.

— И?

— Он ответил, что я не понимаю масштаба работы.

— Хороший аргумент.

— Очень.

— А ты?

— Сказал, что Вселенная переживёт один день без Николая Аркадьевича Гана, а его жена не обязана.

Ган почувствовал удовольствие от этой фразы.

— Неплохо.

— Мне тоже тогда понравилось.

Отец улыбнулся, но почти сразу стал серьёзным.

— Проблема в том, что он был прав в одном. То окно оказалось важным. Именно тогда они получили данные, которые позволили подготовить финальный опыт. Если бы он уехал, возможно, не получили бы.

— И что?

— Вот именно. Что?

Андрей развёл руками.

— Если огромная работа действительно требует тебя в тот же день, когда ты нужен дома, какая обязанность главнее? Люди любят решать такие вещи задним числом, когда уже знают результат. Если открытие великое — жертва кажется оправданной. Если опыт провалился — человек превращается в безответственного идиота. Но в момент выбора результата ещё нет.

Ган смотрел на Центр.

Тот ничего не советовал.

— А ты сейчас как думаешь?

— Сейчас думаю, что он должен был честно договориться заранее. Не обещать одно, надеясь, что мир позволит сделать и другое. Если работа настолько важна, ответственность начинается ещё до конфликта. Организуй людей. Предупреди. Создай запасной план. Не превращай близких в ресурс, который всегда можно перенести.

Ган узнал эту мысль.

Она жила в отце давно.

Ещё до Бункера.

Ответственность начинается раньше последствий.

— Поэтому ты всё планируешь.

— Поэтому я пытаюсь.

— И бесишься, когда я иду туда, где план ещё не готов.

— Это уже потому, что ты мой сын.

Слово прозвучало без особого нажима.

Мой сын.

Не «носитель перехода».

Не «оператор».

Не фамилия.

Ган почувствовал, что связь, которую вчера показал прибор, снова становится человеческой и от этого сложнее.

— Ты боялся, что я повторю Николая?

Андрей посмотрел прямо.

— Да.

— Всё это время?

— С тех пор как ты начал лезть в Бункер глубже, чем требовалось для выхода.

— А раньше?

— Раньше ты повторял его по-другому.

Ган нахмурился.

— Как?

— Уверенностью, что если что-то стало для тебя важным, остальные должны понять, почему теперь оно важнее их планов.

Больно.

И именно поэтому похоже на правду.

Ган хотел найти контрпример.

Не нашёл сразу.

Отец продолжил:

— Ты умеешь увлекать. Это хорошее качество. Но у него есть тень. Когда человек идёт за тобой добровольно, легко начать считать, что он всегда готов идти туда же. Лея…

Ган резко поднял голову.

Андрей остановился.

Имя уже сказано.

— Продолжай.

— Лея любила тебя. Но не всё, что ты хотел удержать после её смерти, было продолжением её воли.

Ган почувствовал старый удар, но теперь он не разрушал.

Эта дверь уже была открыта.

Он сам удалил генеративный слой её голоса, когда понял, что любовь не даёт права перестраивать чужое согласие после смерти.

— Я знаю.

— Теперь знаешь.

Да.

Андрей не обвинял.

От этого было труднее.

Ган встал, прошёл несколько шагов к порогу центральной камеры и остановился. Не внутри. Просто рядом.

— Значит, остаточный вектор — страх стать тобой? Или желание получить твоё одобрение? Или желание не стать дедом?

— Может быть всё сразу. Может вообще не это.

— Удобный ответ.

— Зато не ложный.

Ган повернулся.

— Ты хоть когда-нибудь можешь сказать что-то окончательно?

— Когда надо затянуть болт с моментом сорок ньютон-метров — могу.

— Прекрасно.

Они вернулись к эксперименту после обеда.

Лара пришла, посмотрела на обоих и сразу спросила:

— Поговорили?

Ган:

— Немного.

Андрей:

— Достаточно на сегодня.

Она не стала выяснять.

Тайр прислала обновлённую модель центральной зоны. Её интересовало, может ли человеческий «остаточный вектор», который система видит у Гана, быть связан не с конкретными мыслями или отношениями, а с устойчивой асимметрией его поля, сформированной многолетними взаимодействиями. Физически — вполне. Психологический смысл из графика не извлечь.

Именно это Гану понравилось.

Прибор не читал душу.

Не объявлял отца «проблемой».

Он лишь показал, что связь имеет вес.

Дальше человеческая работа.

Сегодня Ган вошёл на тёмный диск без задачи приблизиться к центру.

Андрей стоял с одной стороны, Лара — с другой. Четыре радиальных контура работали в минимальном режиме. Центральная область была маленькой, около двадцати сантиметров.

Ган дошёл до второго кольца.

Остановился.

Закрыл глаза.

Вчера он пытался замечать направления мыслей.

Сегодня Андрей предложил проще.

— Не анализируй. Просто скажи, куда тебе хочется шагнуть.

Ган почувствовал.

Вперёд.

К Центру.

— Вперёд.

— Почему?

— Потому что он там.

— Это причина цели. Я спрашиваю про импульс.

Ган раздражённо открыл глаза.

— Какая разница?

— Большая.

Вот оно.

Раздражение.

Отец задаёт вопрос — сын хочет доказать.

Ган заметил это почти сразу.

Улыбнулся.

— Хорошо.

Закрыл глаза снова.

Откуда желание идти?

Интерес.

Конечно.

Но под ним ещё.
Андрей наблюдает.
Если Ган остановится, отец скажет «правильно, пока хватит».
И почему-то именно это создаёт желание сделать ещё шаг.
Не потому, что шаг нужен.
Потому что хочется оказаться тем, кому не говорят «хватит».
Ган открыл глаза.
— Нашёл.
— Что?
— Тебя.
Андрей не улыбнулся.
— И?

— Если ты стоишь у края, я хочу идти дальше.
Лара тихо выдохнула.
Отец спросил:
— Если меня убрать?
Хороший эксперимент.
Он вышел за дверь.
Не просто отошёл.
Исчез из поля зрения.
Связь с датчиком осталась.
Ган закрыл глаза.
Постоял.
Желание двигаться вперёд уменьшилось.
Не исчезло.
Но стало другим.
Менее острым.
Он открыл глаза.
— Да.
Андрей вернулся.
Никакой обиды.
Только данные.
— Значит, часть вектора реальна хотя бы поведенчески.
— Спасибо, папа. Я всегда мечтал стать экспериментом на тему проблем с отцом.
— Ты сам пришёл в физическую установку, которая обнуляет направления.
— Тоже верно.

Следующий опыт придумала Лара.
— Теперь наоборот.
Ган вышел.
Андрей встал на тёмный камень.
— Зачем?
— Потому что мы всё время исследуем только реакцию Гана на тебя. Может быть, у тебя собственный остаточный вектор ничуть не меньше.

Андрей посмотрел на сына.
— Я не носитель.
— Для этого опыта неважно.
Он хотел отказаться.
Именно поэтому согласился.

Андрей дошёл до первого кольца.
Показатели поля были другими. Гораздо стабильнее, чем у Гана. Меньше вариативности. Центральная система почти не реагировала на его контур так, как на сыновний. Но асимметрия существовала.
Лара сказала:
— Смотри на Гана.
Отец посмотрел.
— Теперь он делает шаг к центру.
Ган только перенёс вес вперёд.
Андрей мгновенно:
— Стой.
Все трое замерли.
Лара улыбнулась.
— Вот.
Андрей нахмурился.
— Это безопасность.
— Возможно. Ещё раз.
Ган сделал вид, что приближается к оборудованию с другого края.
— Не трогай.
— Я ничего не трогаю.
— Я знаю тебя.
Лара:
— Ещё.
Третий раз Ган просто повернулся спиной к отцу возле границы диска.
Пульс Андрея вырос.
Немного.
Но вырос.

— Ну? — спросил Ган.
Отец посмотрел на Лару.
— Вы двое решили развлекаться?
— Нет, — сказала она. — Мы нашли твою часть.
Андрей вышел с диска.
Несколько секунд молчал.
Потом кивнул.
— Хорошо.
Ган удивился.
— И всё?
— А что ты хочешь? Чтобы я неделю отрицал очевидное?

Пожалуй, нет.

Андрей объяснил позже.
После исчезновения Николая у него появилась привычка удерживать тех, кого любит, внутри зоны контролируемого риска. Не запирать дома. Не запрещать жить. Он прекрасно понимал, что это невозможно. Но если опасность можно было измерить, Андрей хотел измерить её до конца. Если можно поставить ограничитель — ставил. Если можно придумать резерв — придумывал.
Ган рос внутри этой системы.
И многое получил благодаря ей.
Надёжность.
Навык думать о последствиях.
Умение не путать смелость с бессмысленным риском.
Но ребёнок редко различает любовь и форму, в которой любовь к нему пришла.
Для Гана отцовская забота иногда звучала как:
стой.
проверь.
не сейчас.
сначала подумай.
И где-то внутри вырос второй голос:
иди.
докажи.
сейчас.
я сам решу.
Два движения поддерживали друг друга годами.
Чем сильнее отец удерживал, тем сильнее сын рвался.
Чем сильнее сын рвался, тем сильнее отец удерживал.
Не враги.
Система.

Ган слушал.
Это было почти смешно в своей физической ясности.
Два ротора.
Противоположные направления.
Каждый считает, что отвечает на другого.
Вместе создают устойчивое вращение.
— И кто начал?
Андрей пожал плечами.
— Теперь уже неважно.
Вот.
Если искать первого виноватого, можно провести всю жизнь назад по цепи причин.
Николай не приехал за Андреем.
Андрей решил всегда приходить.
Николай исчез.

Андрей стал осторожнее.
Ган вырос под этой осторожностью и научился доказывать самостоятельность выходом за её пределы.
Кто первый?
Дед?
Его отец?
Война?
Характер?
Культура?
Можно продолжать до начала человечества.
Важнее другое:
сейчас рисунок видим.

— Тогда что делать? — спросил Ган.
— С чем?
— С вектором.
Андрей посмотрел на Центр.
— Наверное, перестать друг друга раскручивать.
Очень просто.
Почти невозможно.

Они решили проверить.
Не в Центре.
В обычной комнате.
Лара настояла.
Эксперимент выглядел глупо.
На столе лежал закрытый металлический контейнер с датчиком внутри. Ган должен был решить, открыть его сейчас или через час.
Никакой опасности. Внутри ничего важного.
Андрей заранее не высказывает мнение.
Ган решает.
— Сейчас, — сказал он.
Отец кивнул.
И всё.
Ган протянул руку к контейнеру.
Остановился.
Смешно.
Не хватало сопротивления.
Никто не говорил «подожди».
Решение сразу потеряло часть вкуса.
— Я передумал.
Андрей:
— Хорошо.
— Через час.
— Хорошо.
Ган посмотрел с раздражением.
— Ты специально?

— Да.
Лара расхохоталась.

Через час контейнер всё ещё лежал.
Ган открыл.
Внутри маленький деревянный кубик.
— И всё?
Лара:
— А что ты ждал? Артефакт Николая?
Он бросил кубик обратно.
Но эксперимент работал.
Если отец не создаёт сопротивление, сыну приходится выбирать без удовольствия победы.
Это оказалось труднее.
И чище.

Потом очередь Андрея.
Ган подошёл к границе безопасного коридора и сказал:
— Я пойду в Гаан один на ночь.
Раньше отец спросил бы где, зачем, какая связь, какой прогноз поля, когда вернётся.
Теперь молчал.
Лицо изменилось.
Но молчал.

— И?

— Ты взрослый.
Ган ждал.
— Всё?
— Если захочешь, скажешь маршрут.
Вот где стало неудобно уже ему.
Свобода без борьбы требует ответственности без зрителей.
Ган сам открыл карту.
— Пойду к северной воде. Связь будет через браслет. Вернусь утром.
Андрей:
— Хорошо.
Никакого победителя.
Никакого проигравшего.
Просто договорённость.

В Гаан Ган действительно ушёл один.
Не потому, что ночь была нужна для сюжета.
Потому что пообещал.
Взял лёгкий спальник, воду, связь. Дошёл до северной воды до темноты. Никаких приключений. Именно это оказалось полезно.
Он сидел у берега и впервые думал об отце без немедленного внутреннего движения.
Не оправдывал.

Не обвинял.
Не доказывал самостоятельность.
Просто вспоминал.
Как Андрей держал лестницу.
Как молча чинил сломанное.
Как иногда отвечал слишком сухо.
Как после смерти Леи не пытался залезть в горе словами.
Как приезжал.
Как запрещал.
Как боялся.
Как раздражал.
Как был прав.
Как ошибался.
Как однажды на морозе полчаса возился с машиной, пока Ган сидел внутри и злился, что всё так долго, а потом оказалось, что отец отморозил пальцы и ничего не сказал.
Любовь редко приходит в чистой форме.
Она приходит через характер человека.
Через его страхи.
Через то, чему он сам научился.
Через то, чего не умеет.
Ребёнок получает всё вместе и потом годами разбирает:
где любовь;
где тревога;
где чужая история;
где собственная.

Ночью пошёл слабый дождь.
Ган натянул тент.
Делал всё сам.
Никакого отца рядом.
И впервые в этом не было необходимости что-то доказать.
Просто взрослый человек под дождём закрепляет верёвку.
Одну.
Вторую.
Проверяет узел.
Садится.
Хорошо.

Андрей не написал ни разу.
Вот это было почти невыносимо.
К полуночи Ган сам проверил связь.
Работает.
В два часа открыл канал.
Закрыл.
В три написал:
Всё нормально.
Ответ пришёл через минуту:
Принял.
И всё.

Ган засмеялся в темноте.
Система действительно перестраивается.
Медленно.

Утром он вернулся.
Андрей был в лаборатории.
Не встретил у двери.
Не спросил, почему опоздал на двадцать минут.
Ган сам сказал:
— Дождь размыл тропу.
— Понял.
— Ночью писал.
— Видел.
Пауза.
— Ты мог бы хоть спросить, как прошло.
Отец поднял глаза.
— Как прошло?
Ган рассмеялся.
— Нормально.
Вот их новый навык.
Пока неуклюжий.

Центральная система заметила изменение раньше, чем они ожидали.
Не чудо.
Не психоанализирующая машина.
Просто полевые отношения Гана и Андрея при совместном нахождении в камере стали немного другими. Старый компонент связи оставался сильным. Но направление перестало так резко меняться при движениях одного относительно другого.
Остаточный вектор уменьшился.
На несколько процентов.
Совсем немного.
Тайр подтвердила.
Лара проверила, не артефакт ли измерения.
Нет.

— Значит, разговор меняет поле? — спросил Ган.
Андрей:
— Жизнь меняет поле. Разговор был частью жизни.
Хорошо.
Без магии.

Следующие дни они работали с архивами Николая.
Не для того, чтобы найти всё плохое или хорошее.
Чтобы восстановить человека.
Оказалось, у него был юмор.
На одном чертеже возле особенно сложного узла он написал:
«Если это заработает сразу, ищите ошибку».
Андрей смеялся долго.
— Он действительно так говорил.

В другой папке — список покупок между формулами.
Хлеб.
Чай.
Лампочки.
Какое-то лекарство.
Потом расчёт фазового перехода.
Человек способен в одной тетради держать космос и лампочки.
Наверное, так и должно быть.

Нашлись письма, которые Николай не отправил.
Не тайная исповедь.
Черновики технических записок.
Но в одном листе между страницами лежала записка Андрею.
Очень короткая.
«Андрей, если задержусь, не жди. Езжай домой. Утром позвоню».
Без даты.
Андрей сидел долго.
— Это не последний день?
— Нет. Почерк раньше.
— Почему хранил?
— Не знаю.
Ган понял другое.
Фраза «если задержусь, не жди» могла повторяться много раз.
Маленький семейный рисунок.
Отец задерживается.
Сын ждёт.
Потом получает указание не ждать.
А однажды отец задержался на тридцать девять лет.

Андрей положил записку на стол.
— Я всё равно ждал.
Ган ничего не сказал.
Вот самый честный момент главы.
Не физика.
Не ответственность.
Сын ждал отца.
Сначала день.
Потом неделю.
Потом годы, уже зная разумом, что ждать бессмысленно.
Какая-то часть всё равно оставалась возле двери.
Теперь М-17 вернулся.
Центральная система сказала: событие не завершено.
И тот подросток внутри шестидесятилетнего мужчины снова услышал:
может быть, утром позвонит.

Ган сел рядом.
— Ты думаешь, он жив?
Андрей ответил не сразу.
— Я думаю, что не имею права знать заранее.

— А хочешь?
— Конечно.
Первое прямое «конечно» от него за весь разговор.
— Очень?
— Да.
Андрей снял очки.
Провёл ладонью по глазам.
— И именно поэтому мне нельзя первым входить в Центр.
Ган понял.
Его остаточный вектор куда сильнее.
Он не просто исследователь.
Там отец.
Возможно.
Одна вероятность из многих.
Но достаточно, чтобы вся система выбора наклонилась.

— Поэтому ты удерживаешь меня?
Андрей покачал головой.
— Уже нет.
— А раньше?
— Частично. Потому что если ты войдёшь и найдёшь его, я получу то, чего хочу. А если исчезнешь так же…
Он не закончил.
Не нужно.
Сын ради отца ищет деда.
Отец теряет сына в том же месте, где когда-то потерял своего отца.
Круг замыкается слишком красиво.
А жизнь редко обязана уважать красоту символа.

Ган сказал:
— Я не пойду искать Николая.
Андрей посмотрел.
— Что?
— Если войду, то не ради него.
Пауза.
— Почему?
— Потому что тогда он уже выбрал направление за меня.
Вот.

Отец встал.
Прошёл к центральному диску.
Остановился у границы.
— А если система сама вернёт его?
— Тогда будем разбираться.
— Если можно будет выбрать?
— Тогда выбор будет отдельным.
Андрей кивнул.
Очень медленно.

Это был, возможно, первый момент, когда он действительно перестал видеть в Гане продолжение собственного незавершённого разговора с Николаем.

Не посланник.

Не тот, кто должен исправить семейную историю.

Сын.

Отдельный человек.

Именно тогда центральный контур подал сигнал.

Не громкий.

Один короткий тон.

На экране появилась новая строка:

ОСТАТОЧНЫЙ ВЕКТОР: СНИЖЕН

Ниже:

ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ СОХРАНЕНА

Ган засмеялся.

— Оно как будто подслушивало.

Андрей сразу:

— Не начинай.

— Я знаю. Поле.

— Спасибо.

Следующая строка появилась через несколько секунд:

ДЛЯ НУЛЕВОГО СОСТОЯНИЯ ТРЕБУЕТСЯ РАЗЛИЧИТЬ СВЯЗЬ И НАПРАВЛЕНИЕ.

Они оба перестали улыбаться.

Николай?

Система?

Старая формулировка?

Андрей проверил метаданные.

Запись была в программном слое 1987 года.

То есть фразу ввели тогда.

Возможно, сам Николай.

Возможно, кто-то из группы.

И вот теперь она стала понятна.

Связь можно сохранить.

Направление, которое она навязывает, — отпустить.

Не уничтожить отца внутри себя.

Не превратить любовь в ноль.

Не доказать независимость разрывом.

Просто перестать делать чужую траекторию своей осью.

Ган смотрел на Андрея.

— Я не хочу тебя отпускать в смысле «убрать».

— Я понял.

— Но и идти против тебя только потому, что ты стоишь здесь, больше не хочу.

— Это будет очень непривычно.

— Тебе тоже.

— Мне особенно.

Они улыбнулись.

В следующий человеческий вход Ган дошёл почти до центральной области.
Андрей стоял рядом с Ларой.
Не исчезал.
Не отворачивался.
Не пытался стать нейтральным.
Просто присутствовал.
Ган чувствовал связь.
Сильную.
Она никуда не делась.
Но впервые не превращалась автоматически в импульс шагнуть дальше или вернуться.
Он стоял.
Отец стоял.
Центр между ними не выбирал.

Ган закрыл глаза.
Перед внутренним вниманием появился не образ Андрея целиком, а множество отдельных движений.
«Стой».
«Подумай».
Рука на плече.
Ключи от машины.
Разговор ночью.
Сломанная вещь, которую отец чинит вместо длинного утешения.
Спор.
Раздражение.
Сухая похвала.
Молчание.
Страх.
Надёжность.
Ни одно не было всем отцом.
Ни одно не обязано было стать законом для сына.

Он вдохнул.
Выдохнул.
Сделал шаг.
Не к Центру.
В сторону.
Просто вправо по тёмному диску.
Система мгновенно отреагировала.
Остаточный вектор изменился.
Не вырос.
Не уменьшился сильно.
Но впервые движение Гана не совпало ни с направлением к центру, ни с направлением от отца.
Свой маленький шаг.
Совершенно бессмысленный для задачи.
И именно поэтому важный.

Андрей ничего не сказал.
Ган сделал второй.
Потом остановился.
Вернулся к внешнему кольцу.
Лара посмотрела данные.
— Всё нормально.
Отец кивнул.
Ган вышел.

— Почему вправо? — спросил Андрей.
— Потому что мог.
Отец хотел возразить.
Потом понял.
Сегодня это достаточная причина.

Вечером они вместе вышли из Бункера в Гаан.
Без приборов.
Редкость.
Сели у воды.
Андрей давно не оставался здесь просто так. Обычно что-то измерял, проверял, обсуждал с Хэром.
Сегодня ничего.
Ган достал часы Аэона.
Посмотрел.
Отец заметил.
— Срок?
— Нет. Просто время.
— Тоже неплохо.
Солнце уходило.
Вода двигалась.
В Гаан всё почему-то возвращало разговор к простым вещам после слишком сложных.

Через некоторое время Андрей сказал:
— У меня есть одна просьба.
— Какая?
— Если всё-таки решишь войти в нулевую зону полностью, скажи мне заранее.
Ган посмотрел.
Старый Андрей?
Частично.
Но формулировка другая.
Не «не иди».
Не «сначала я разрешу».
Просто:
скажи.
— Скажу.
— И не потому, что я должен контролировать.
— Я знаю.
— Потому что я твой отец.

Ган кивнул.
— Именно поэтому.

Слово больше не звучало как вектор.
Просто отношение.
Отец.
Не хозяин пути.
Не препятствие.
Не тот, против кого нужно стать собой.
Не гарант безопасности.
Не модель, которую следует повторить или отвергнуть.
Человек, который был раньше.
Часть истории.
Один из тех, благодаря кому Ган вообще дошёл до своей собственной точки выбора.

Андрей поднял с земли маленький камень и бросил в воду.
Круги пошли наружу.
Ган смотрел.
Первый.
Второй.
Третий.
Дальше слабее.
Влияние не исчезает сразу.
Но и не обязано бесконечно сохранять исходную силу.
Берег принял волну.
Вода снова стала почти ровной.
А камень остался на дне — в другом месте, уже не определяя, куда пойдёт следующая волна.

Глава 4. Ложный Отец

На следующий день Андрей нашёл в М-17 канал, которого не было ни на одной схеме Бункера.

Он обнаружился не как отдельная запись, а как небольшое отклонение механического пера. В тот момент, когда четыре основные линии приближались к нулевой результирующей, пятый рычажок внутри регистратора сдвигался всего на долю миллиметра и удерживал это положение до остановки барабана. Сначала Андрей решил, что деталь служила простым синхронизатором. Потом разобрал корпус, проследил тонкую тягу до старого контакта и перестал говорить почти на полчаса.

Ган сидел напротив, пил чай и уже знал: если отец молчит так долго, найденное либо очень хорошее, либо очень плохое. Обычно оба варианта выглядели одинаково.

— Ну?

Андрей поставил корпус на стол, взял карандаш и нарисовал четыре окружности, которые уже стали почти привычными. Между ними — центральную область. Потом добавил снаружи одну стрелку.

— Вот этого мы не учитывали.

— Пятое поле?

— Нет. Управляющий ввод.

Он обвёл стрелку.

— Внешний.

Ган поставил чашку.

— То есть в момент Нулевого Спина кто-то снаружи мог воздействовать на Центр?

— Не просто мог. Похоже, должен был.

На внутренней крышке модуля сохранилась почти стёртая маркировка. Андрей протёр её мягкой тканью, повернул под светом.

ВЕД.

Чуть ниже — цифра четыре.

Ган нахмурился.

— Ведущий?

— Думаю, да.

Они нашли подтверждение в старой документации только к полудню. Не отдельный отчёт и не аккуратно составленную инструкцию, а лист кальки, застрявший между электрическими схемами. На нём Николай рисовал центральный узел от руки, будто пытался объяснить устройство человеку, который уже знает аппаратуру и нуждается только в логике. Четыре радиальных контура создавали Нулевой Спин. Внешний пятый канал не участвовал в компенсации. Он включался позже, когда остаточный момент уже почти исчезал.

Рядом стояло:

ВЕДУЩИЙ КОНТУР — ОРИЕНТАЦИЯ ВОЗВРАТА

Ещё ниже:

После снятия собственного момента оператор теряет устойчивую привязку к исходному направлению. Возврат — по внешней фазе.

Ган перечитал.

— То есть они уже знали.

— Что?

— Что человек в Центре становится слишком чувствительным к малому воздействию.

Андрей кивнул. Именно это они увидели на маятнике несколько дней назад. Пока старое вращение велико, слабый импульс почти ничего не значит. В нулевом состоянии небольшая

асимметрия способна определить весь дальнейший выход. Николай не оставил этот риск без решения. Он построил внешний ориентир.

На первый взгляд — разумно.

Даже красиво.

Человек входит туда, где привычные направления перестают быть надёжными. Снаружи остаётся второй человек. Он удерживает связь и, когда наступает время возвращаться, подаёт фазовый сигнал. Центр получает направление. Оператор выходит.

— Страховочная верёвка, — сказала Лара, когда пришла.

— Только без верёвки, — ответил Андрей.

— И без гарантии, что тот, кто держит другой конец, ведёт туда, куда нужно.

Он посмотрел на неё.

Вот это уже было интереснее.

Первый тест сделали на гироскопическом блоке.

Никакого человека.

Четыре контура вывели систему почти к нулю, после чего Андрей подал слабый внешний импульс с северного сектора. При обычном поле такой сигнал едва сдвинул бы показания. Здесь блок сразу получил устойчивое направление и начал выходить из центральной зоны именно по нему.

Повторили с востока.

Тот же результат.

С юга.

С запада.

Каждый раз система выбирала новый путь почти без сопротивления.

— Работает, — сказал Ган.

— Слишком хорошо, — ответила Лара.

Андрей тоже это видел.

Они изменили внутренние настройки прибора. Дали ему собственную слабую ориентацию. Внешний сигнал всё равно победил.

Увеличили внутреннюю.

Теперь требовался более сильный импульс.

Когда собственный момент прибора оставался заметным, ведущий контур становился всего лишь подсказкой. Но стоило войти в настоящий Нулевой Спин, как внешняя фаза почти полностью определяла дальнейшее движение.

Само по себе в этом не было ошибки.

Так и проектировали.

Проблема была в другом: устройство не могло отличить **возвращение** от **подчинения**.

Для него это одно и то же.

Тайр подключилась из Андромеды и попросила провести опыт с копией третьей среды. Это сразу сделало проблему неприятнее.

Техническая модель вошла в нулевую область с собственной историей. У неё была память нескольких состояний, медленные глубинные слои, способность принимать новое без полного отказа от прежнего. Если внешний ведущий канал только помогает ориентироваться, история должна сохраниться.

Андрей подал слабый сигнал.

Среда отреагировала.

Сначала нормально.

Потом Тайр увеличила изображение.

Один из недавних адаптивных слоёв начал исчезать.

— Почему? — спросил Ган.

Ответ нашёлся через несколько минут.

Ведущий контур не знал, что считается важной частью истории. Его задача была гораздо проще: вывести систему к внешней референсной конфигурации. Всё, что затрудняло совпадение с ней, постепенно воспринималось как остаточное отклонение.

Если новая форма не совпадала с тем, что ведущий ожидает увидеть на выходе, система помогала ей «вернуться».

И возвращала слишком много.

Тайр выключила сигнал.

Процесс остановился.

Большая часть недавней истории сохранилась, но один небольшой слой пришлось восстановить из записи.

Ган смотрел на график.

— Он лечит то, что не болеет.

Андрей кивнул.

Вот хорошая формулировка.

Старая схема Николая была создана для совсем другого мира.

В 1987 году у них не было третьей среды. Не было Андромеданского понимания динамической идентичности. Не было маршрутов, которые подтверждают непрерывность через историю переходов. Для группы Николая «безопасно вернулся» почти неизбежно означало «вернулся в узнаваемое исходное состояние».

Это было не глупо.

Тогда они работали с тем, что имели.

Но если слепо использовать тот же принцип сейчас, ведущий контур будет защищать человека от части его собственной жизни.

И делать это с безупречно благими намерениями.

Ган снова взял кальку.

На полях были ещё заметки. Несколько слов стёрлись, но одно читалось ясно:

Внешний ведущий обязан быть устойчивее оператора.

Конечно.

Если ведущий сам колеблется, он не сможет дать направление.

Ган посмотрел на Андрея.

Отец понял раньше, чем сын успел сказать.

— Даже не начинай.

— Я ничего.

— У тебя опять лицо.

Лара рассмеялась.

Но вопрос уже возник.

Если человеку понадобится внешний ориентир, кто в их нынешней системе окажется самым устойчивым?

Тайр?

Нэр?

Андрей?

Данные ответили быстро.

Для Гана — Андрей.

Не потому, что отец объективно самый устойчивый человек двух галактик. Просто их поля имели долгую историю взаимной настройки. Связь, которую Центральный контур уже заметил как остаточный вектор, делала сигнал Андрея особенно сильным.

Он мог стать ведущим с очень малой мощностью.

Почти идеальным.

Ган смотрел на цифры.

— Ну вот.

Андрей не разделял удовольствия.

— Это как раз плохая новость.

Они не делали человеческий опыт в тот день.

Даже Ган не предлагал.

Вместо этого поднялись из Центра и пошли в старую мастерскую Бункера. Там было теплее. Никакой чёрной поверхности, никаких кругов пыли, никаких приборов, которые превращают семейные отношения в векторные диаграммы. Андрей нашёл банку растворимого кофе, посмотрел на срок годности, поставил обратно и сделал чай.

Ган сидел на столе.

— Ты боишься быть ведущим?

— Да.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Почему?

Андрей налил воду.

— Потому что мне это понравится.

Ган ожидал чего угодно, только не этого.

Отец поставил кружку перед ним.

— Не в смысле власти. Хотя, наверное, это тоже всегда где-то есть. Мне понравится знать, что пока ты там, я могу тебя вернуть.

Он сел напротив.

— После Николая это почти идеальное предложение. Стоять снаружи. Видеть показатели. Иметь кнопку, которая направит сына назад.

Ган молчал.

— А если ты сам в этот момент выберешь другое?

— Тогда я скажу себе, что ты дезориентирован.

— А если я не дезориентирован?

— Найду причину, почему всё равно лучше вернуть.

— Честно.

— Поэтому я и боюсь.

За стеной тихо работала вентиляция. Андрей крутил ложку в пустой чашке, хотя сахар туда не положил.

— Самое опасное в такой роли, — продолжил он, — не желание командовать. Его видно. Можно спорить. Опаснее другое: когда я совершенно уверен, что действую ради тебя.

Ган почувствовал, как слова ложатся точно.

В Центре внешний ведущий не кричит.

Не заставляет.

Он просто становится самым убедительным направлением именно в тот момент, когда твои собственные направления ослабли.

И тогда чужое решение может ощущаться своим.

Ган вспомнил детство.

Не конкретный большой конфликт.

Мелочи.

Когда отец говорил: «Сделай так, потом поймёшь».

Чаще всего оказывался прав.

Пристегнись.

Возьми куртку.

Не лезь на мокрую крышу.

Проверь проводку до включения.

Ребёнок действительно не обязан каждый раз самостоятельно открывать законы электричества ценой собственной кожи.

Отец для этого и старше.

Но вместе с полезными запретами существует соблазн расширить своё знание туда, где знания уже нет.

Какая профессия тебе подходит.

Кого любить.

Когда готов рисковать.

Что считать настоящей жизнью.

Где заканчивается забота и начинается присвоение чужого пути, невозможно определить одной линией на полу.

Наверное, поэтому у зрелости нет окончательного прибора.

— Николай так делал? — спросил Ган.

Андрей усмехнулся.

— Постоянно.

— В смысле?

— У него было редкое качество. Он мог говорить о вещах, которых не знал, почти тем же голосом, каким говорил о вещах, которые знал точно.

Ган рассмеялся.

— Удобно.

— В физике это раздражало. В семье — сильнее.

Андрей вспомнил один случай. Ему было семнадцать, он собирался поступать на одну специальность, Николай решил, что сыну нужна другая. Аргументы были прекрасные: способности, перспективы, сильная кафедра, нужные люди, будущее науки. Всё разумно.

— И что ты сделал?

— Поступил туда, куда хотел он.

— Пожалел?

Андрей подумал.

— Нет.

Ган удивился.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что это всё равно не было моим решением.

Вот.

Даже удачное направление может быть чужим.

Результат не отменяет способа, которым к нему пришли.

— Может, я бы выбрал то же самое, — сказал Андрей. — Не знаю. Я не успел узнать. Он объяснил раньше, чем я сформулировал своё.

Ган смотрел на чай.

Это было гораздо тоньше злого отца, запрещающего сыну жить.

Ложный отец вполне способен дать правильный совет.

Спасти.

Научить.

Указать дорогу.

Даже любить.

Ложь начинается не обязательно в содержании.

Иногда — в присвоенном праве быть источником чужого направления.

— А ты со мной?

Андрей улыбнулся без радости.

— Конечно делал.

— Часто?

— Достаточно.

— Потому что боялся?

— Иногда. Иногда потому что был уверен, что знаю лучше. Иногда потому что действительно знал лучше. А потом привыкаешь к самой форме: ты спрашиваешь, я отвечаю. Даже когда вопрос уже твой.

Он посмотрел на сына.

— Родительская роль очень легко переживает возраст ребёнка.

Да.

Тело давно взрослое.

Разговор всё ещё может быть построен как двадцать лет назад.

На следующий день они вернулись к человеческому испытанию.

Не в полном Центре.

Сначала на промежуточном кольце, где собственный момент Гана ослабевал примерно наполовину. Андрей становился внешним ведущим только по заранее оговорённому сигналу. Лара держала право остановить опыт. Тайр смотрела на структуру поля из Андромеды.

Ган вошёл.

Первое кольцо.

Второе.

Остановился.

Андрей стоял напротив, у северного края.

— Готов?

— Да.

— Ведущий включён через три секунды.

Ган закрыл глаза.

Сначала ничего.

Потом появилось очень странное ощущение.

Не толчок.

Не голос.

Не желание идти к отцу в буквальном смысле.

Просто пространство внезапно стало яснее.

До этого несколько направлений казались примерно равноправными. Теперь одно получило внутреннее преимущество. Тело ещё не двигалось, а решение будто уже стало очевидным.

Сюда.

Почему?

Никакой причины.

Просто сюда.

Ган открыл глаза.

Андрей стоял именно в этом направлении.

— Выключи.

Сигнал исчез.

Очевидность тоже.

Не мгновенно.

Несколько секунд направление продолжало казаться «правильным», потом снова стало одним из многих.

Ган вышел.

— Как?

Он долго подбирал слова.

— Убедительно.

— Сильное давление?

— Нет. Вот именно. Если бы ты меня толкал, я бы понял. А так будто сам решил.

Лара посмотрела на Андрея.

— Это плохо.

Он кивнул.

Да.

Повторили с Тайр как ведущей.

Эффект существовал, но гораздо слабее.

С Нэром — ещё меньше.

С нейтральным автоматическим источником возникало ощущение направления без человеческой узнаваемости. Ган быстрее замечал его как внешнее.

С Андреем внешнее маскировалось под внутреннее лучше всего.

История связи делала сигнал естественным.

Именно это пугало.

— Теперь понятно, почему система выбрала тебя, — сказал Ган.

Отец собирал кабели.

— Да.

— И понятно, почему нельзя.

Андрей остановился.

— Не совсем.

Ган посмотрел.

— Что значит?

— Если ты потеряешь ориентацию и не сможешь выйти, я всё равно включу.

Честно.

— Даже если я заранее скажу не включать?

Андрей задумался.

— Зависит от состояния.

— Вот.

— А что ты предлагаешь? Смотреть, как ты исчезаешь, потому что уважаю автономию?

В голосе впервые за последние дни появилась жёсткость.

Ган почувствовал ответное раздражение.

Старая система уже начинала раскручиваться.

Стой.

Иди.

Остановись.

Докажи.

Он увидел раньше.

Сделал паузу.

— Нет. Я предлагаю заранее договориться, что считается потерей способности выбирать.

Андрей замолчал.

Вот.

Не «никогда не вмешивайся».

Не «решай за меня, когда тебе страшно».

Критерий.

Ответственность до события.

Лара села рядом.

— Это хотя бы можно формализовать частично. Потеря сознания. Определённый уровень дезориентации. Физиологические границы. Неспособность подтвердить связь.

— А если он сознателен, но принимает опасное решение? — спросил Андрей.

— Тогда это сложнее.

— То есть ответа нет.

— Конечно нет.

Ган улыбнулся.

— Добро пожаловать в человеческие отношения.

Они составили не приказ, а процедуру.

Если Ган способен отвечать, понимает, где находится, удерживает собственную историю перехода и явно подтверждает решение, ведущий контур не включается только потому, что внешнему наблюдателю страшно. Если связь с собой рушится, сознание теряется или система фиксирует разрыв непрерывности, Андрей получает право на аварийный ввод.

Не безграничную власть.

Определённую функцию.

Пока функция нужна.

Это было очень похоже на третью среду.

И очень непохоже на старую модель отца, который по определению знает лучше.

На третий день они решили приблизиться к полной нулевой зоне.

Ган спал нормально.

Ел.

Лара проверила всё дважды.

Андрей ещё раз спросил:

— Можно отложить.

— Можно.

— Хочешь?

Ган прислушался.

Не к азарту.

Не к желанию доказать.

Не к отцовскому ожиданию.

— Нет.

Андрей кивнул.

Только теперь начали.

Центральная камера была холоднее обычного. Четыре радиальных установки работали тихо, каждая в своём режиме, и этот разный гул сходился в странное общее отсутствие направления. Тонкие полосы пыли двигались по кольцам. Крупинка в центре почти не шевелилась.

Ган ступил на тёмный камень.

Первое кольцо прошло уже знакомо. На втором пространство стало менее убедительным. На третьем тело всё ещё прекрасно знало, где пол, но отношение «я здесь — мир там» размягчилось.

Лара говорила редко.

Показатели нормальные.

Андрей стоял у внешней консоли.

Не перед Ганом.

Сбоку.

Они специально изменили привычную геометрию, чтобы его физическое положение не совпадало с возможным выходом.

До центральной зоны оставался шаг.

Ган остановился.

Проверил себя.

Имя.

Где находится.

Кто рядом.

Зачем пришёл.

Что было вчера.

Что будет считаться аварией.

Всё доступно.

Он кивнул.

Шагнул.

Нулевой Спин принял его без события.

Никакой вспышки.

Никакого падения.

Просто исчезло последнее привычное превосходство одного направления над другим.

Ган стоял.

Слышал своё дыхание.

Чувствовал давление стоп.

Видел комнату.

Но каждый возможный поворот казался одинаково настоящим.

Можно к Андрею.

Можно от Андрея.

Можно к выходу.

Можно глубже в состояние.

Можно остаться.

Именно равенство возможностей оказалось неожиданно тяжёлым.

Человеческое тело привыкло, что мир постоянно помогает выбирать. Свет ярче там. Дорога идёт сюда. Человек стоит впереди. Страх толкает назад. Желание тянет. Здесь многие привычные силы ослабли одновременно.

На несколько секунд Ган испытал почти счастье.

Потом — усталость.

Выбор требует энергии.

— Подтверди связь, — сказала Лара.
— Слышу.
— Имя?
— Ган.
— Место?
Он ответил.
— Продолжаем?
Ган подумал.
— Да.
Его голос звучал нормально.
Андрей молчал.
Правильно.

Тайр начала малый тест.
Слабый автоматический сигнал пришёл с востока.
Ган почувствовал направление.
Распознал как внешнее.
Не пошёл.
Сигнал исчез.
Второй с другой стороны.
То же.
Третий.
Нормально.
Лара сказала:
— Андрей.
Ведущий канал отца должен был включиться на минимальной мощности.
Ган приготовился.

Сигнал пришёл.
И сразу стал другим.
Не просто направлением.
Ощущением порядка.
Будто всё в комнате наконец сложилось правильно.
Зачем стоять здесь, если выход понятен?
Андрей там.
Безопасность там.
Продолжение там.
Шагни.
Ган знал, что это тест.
Знал источник.
И всё равно мысль «почему бы не пойти» казалась почти собственной.
Он улыбнулся.
— Чувствую.
— Сохраняешь ориентацию? — спросила Лара.
— Да.
— Хочешь выйти?
Ган прислушался.
Вот здесь стало сложнее.
— Хочу.

Андрей сразу выключил канал.
Но чувство не исчезло.
Ган по-прежнему хотел туда.
— Сигнал снят, — сказал отец.
— Знаю.
Желание держалось.
Несколько секунд.
Потом начало слабеть.
И вдруг система включила ведущий контур снова.
Сама.

Андрей резко поднял голову.
— Я не включал.
Лара:
— Ган?
— Чувствую сильнее.
Тайр уже искала источник.
Старый контур 1987 года.
Центральная система распознала успешное совпадение между носителем и ведущим и продолжила возвратную последовательность автоматически.
На старом экране вспыхнуло:
ВЕДУЩИЙ ПОДТВЕРЖДЁН

Следом:

ВОЗВРАТ

— Отключаю, — сказал Андрей.
Команда не прошла.
Старый слой имел приоритет.
Так его и строили: если оператор находится в Нулевом Спине и внешняя связь подтверждена, случайное отключение современного интерфейса не должно лишить человека дороги назад.
Хорошая защита.
Из 1987 года.

Ган почувствовал второй импульс.
Теперь «сюда» стало почти неоспоримым.
Никакой боли.
Наоборот.
Облегчение.
Выбор закончился.
Можно перестать держать себя.
Кто-то снаружи знает направление.
Он сделал полшага.
— Стой, — сказала Лара.
Ган остановился.
С трудом?

Нет.
Физически легко.
Но зачем стоять, если выход очевиден?
Странный вопрос.
Он знал ответ головой.
Потому что направление не выбрано им.
Но в нулевой зоне эта мысль уже не имела прежнего эмоционального веса.
Андрей сказал:
— Не иди ко мне.
Ган услышал.
И почти рассмеялся.
— Но ты же ведущий.
— Именно поэтому.
Отец работал с панелью.
Старый контур продолжал наращивать совпадение.

Тайр крикнула что-то через канал.
Лара перевела:
— Поле Гана начинает упрощаться.
Андрей замер.
— Что значит?
— Новые слои уменьшают выраженность.
Андромеда.
Гаан.
Недавние адаптивные изменения.
Не исчезают, но система подтягивает Гана к более устойчивому состоянию, при котором связь с ведущим легче.
К какому?
К старому профилю.
Тому, который существовал до многих изменений.

Ган почувствовал это не как потерю.
Как покой.
Слишком приятный.
Некоторые внутренние напряжения исчезли.
Не нужно удерживать столько разных историй.
Не нужно различать.
Можно стать проще.
Предсказуемее.
Ближе к исходному.
Ближе к тому Гану, которого отец давно умеет узнавать и защищать.
Вот почему ложный отец соблазнителен.
Он обещает не только безопасность.
Он обещает избавить от тяжести собственного становления.

— Ган, — сказала Лара. — Скажи, зачем ты вошёл.
Он знал.
Но ответ пришёл не сразу.
— Проверить…
Что?
Центр.
Себя.
Возврат.
Слова стали менее точными.
Лара посмотрела на Андрея.
— Выводи.
— Не могу обычным каналом.
— Тогда аварийный.
Андрей потянулся к большой механической рукояти сброса.
Остановился.
Если обнулить все четыре поля сразу, Нулевой Спин рухнет резко. Ган вернётся в обычную ориентацию, но переходный скачок может ударить по его полю сильнее, чем мягкий вывод.
Ведущий контур при этом всё равно продолжит тянуть.
Плохой вариант.

На старой схеме был второй способ.
Физически разорвать цепь ведущего.
Не программно.
У отдельного контура существовал собственный механический размыкатель на противоположной стороне камеры.
Далеко от консоли.
Андрей увидел.
Лара тоже.
— Я схожу.
— Нет, — сказал Андрей.
— Почему?
— Потому что контур ориентирован на меня.
Если он начнёт двигаться вокруг центральной зоны, направление сигнала будет меняться вместе с ним. Ган внутри может начать следовать.
Правильно.
— Тогда я.
Лара пошла.
Андрей остановил.
— Подожди.
Он смотрел на сына.
Видимо, что-то понял.

— Ган.
— Да.

— Я сейчас отключу себя как ведущего.
— Хорошо.
Но голос Гана прозвучал безразлично.
Это напугало сильнее.
Андрей не двинулся к выключателю.
Снял с себя полевой браслет.
Положил на консоль.
Система продолжала видеть его тело.
Недостаточно.
Он отошёл дальше.
Сигнал чуть ослаб.
Центральный контур компенсировал.
Увеличил мощность.
Вот насколько хорошо он защищал оператора.

Андрей сказал тихо:
— Посмотри на меня.
Ган посмотрел.
— Я здесь.
Да.
— Но я не направление.
Фраза вошла медленно.
Не приказ.
Не «иди сюда».
Просто факт.
Я здесь.
Но я не направление.

Ган почувствовал что-то своё.
Очень маленькое.
Не решение.
Различие.
Отец существует.
Связь существует.
Но направление, которое сейчас ощущается внутри, не равно самой связи.
Вот.
То самое, что Центральная система написала после прошлой главы:
различить связь и направление.
Ган закрыл глаза.
Ведущий сигнал никуда не исчез.
Сюда.
Сюда.
Сюда.
Он перестал спорить.
Не пошёл против.

Просто перестал считать «сюда» ответом.

Лара прошла по внешнему кольцу к механическому размыкателю. Медленно, чтобы не создавать лишнего движения. Взялась за рукоять.
— По команде.
Андрей смотрел на данные.
Тайр сообщила: глубокие слои Гана всё ещё непрерывны. Система упрощает периферию, но ядро переходов не потеряно.
— Ган, можешь подтвердить себя?
Он ответил не сразу.
Имя.
Бункер.
Андрей.
Лара.
Андромеда.
Гаан.
Лея.
Николай.
Нэр.
Эл.
Ри.
Не список вслух.
Следы.
Связи.
Он не должен выбирать одну, чтобы быть собой.
Слишком многое уже вошло в него.
Ни один внешний ведущий не может вернуть его к версии, которая существовала до этих встреч, не потеряв часть правды.
— Да, — сказал Ган.
Голос снова стал его.
Лара повернула рукоять.

Ведущий контур оборвался.
Не мягко.
Внутренняя очевидность исчезла так резко, что Ган пошатнулся. Четыре основных поля сохранились, Нулевой Спин остался, но теперь ни одно направление не получало внешнего преимущества.
На секунду стало хуже.
Пусто.
Отец больше не тянет.
Система не ведёт.
А собственное решение ещё не возникло.
Вот настоящий Центр.
Не свобода как красивое ощущение.
Ответственность без указателя.

— Не спеши, — сказала Лара.
Ган стоял.
Андрей молчал.
Очень хорошо.
Он мог бы сказать «выходи».
Не сказал.

Прошла секунда.
Пять.
Десять.
Ган почувствовал ноги.
Не символ.
Обычные ступни на холодном камне.
Вес тела чуть больше на левой.
Дыхание.
Сердце.
Он повернул голову.
Выход находился не там, где стоял Андрей.
Можно выбрать любой край.
Зачем именно один?
Потому что он сам туда пойдёт.
Этого достаточно.
Ган сделал шаг по диагонали.
Не к отцу.
Не от него.
К свободному участку внешнего кольца.
Второй.
Третий.
С каждым шагом обычная ориентация возвращалась.
На последнем его качнуло.
Лара подошла.
Поддержала.
Андрей остался где стоял.
Не бросился.
Не перехватил.
Просто ждал, пока Ган сам закончит выход.

Когда тот перешёл на обычный бетон, отец только спросил:
— Стоишь?
— Да.
— Голова?
— На месте.
Лара проверила зрачки.
— Это ещё не доказано.
Ган засмеялся.
Хорошо.

Смех вернулся.

Старый экран мигнул.

ВОЗВРАТНЫЙ ВЕДУЩИЙ: ПОТЕРЯН

Пауза.
Потом новая строка:

НОСИТЕЛЬ: ВНЕ ЦЕНТРА

И всё.
Никакой оценки.
Никакой медали за автономию.
Система просто зарегистрировала факт.
Ган вышел без ведущего.

Они закрыли опыт на сутки.
Без обсуждений в Центральной камере.
Без немедленного поиска большого смысла.
Лара настояла на еде.
Это оказалось разумно.

После Нулевого Спина Ган был голоден так, будто несколько часов работал физически, хотя почти всё время стоял.

Они сидели втроём в старой столовой Бункера. На столе — хлеб, сыр, горячая крупа, чай. Андрей ел медленно. Лара смотрела на него чаще, чем на Гана.

Наконец сказала:

— Ты мог приказать ему выйти раньше.

— Мог.

— Почему не приказал?

Андрей долго жевал.

— Потому что в тот момент это было бы продолжением того же контура.

Ган посмотрел.

Да.

Даже правильная команда могла стать частью проблемы.

Если отец ещё сильнее навяжет направление, он победит старую систему её же способом.

— А если бы я начал теряться?

— Тогда приказал бы.

Тоже да.

Вот разница.

Не отсутствие власти.

Ответственность за момент её применения.

Лара ушла первой.

Ей нужно было отправить Маэй медицинские данные, иначе та придёт сама и запретит Центр целиком.

Ган и Андрей остались.

Некоторое время ели молча.

Потом Ган сказал:

— Теперь я понял название.

— Какое?
— Ложный отец.
Андрей посмотрел внимательно.
— Я?
— Не ты.
Пауза.
— И ты тоже иногда.
Отец усмехнулся.
Справедливо.
Ган продолжил:
— Ложный отец — это когда связь превращается в направление. Когда «я рядом» незаметно становится «иди туда, куда я указываю». Даже если человек уверен, что спасает.
Андрей поставил кружку.
— Тогда ложным может стать любой отец.
— Наверное.
— Мать тоже.
— Наверное.
— Учитель.
— Да.
— Государство, религия, наука, лидер.
Ган улыбнулся.
— Теперь ты уже сам расширяешь.
Но Андрей был прав.
Это не персонаж.
Роль.
Функция власти, которая обещает избавить тебя от тяжести собственного выбора.
Иногда через угрозу.
Иногда через любовь.
Вторая форма опаснее, потому что похожа на заботу.

— А настоящий отец тогда кто? — спросил Ган.
Андрей пожал плечами.
— Следующая глава.
Ган расхохотался.
— Ты невозможен.
— Я серьёзно. Я пока не знаю.
Хороший ответ.

На следующий день они разобрали старый ведущий контур.
Не уничтожили.
Андрей категорически отказался.
— Он нужен.
— После вчерашнего?
— Особенно после вчерашнего.
Ган удивился.
Отец показал схему.
Если человек потеряет сознание в Нулевом Спине, внутренний выбор уже не работает. Если маршрут начнёт распадаться, внешний ориентир может спасти. Проблема не в существовании ведущего.

Проблема в том, что старая система давала ему абсолютный приоритет после подтверждения.

Значит, нужно изменить не инструмент.

Его место в иерархии.

Тайр подключила новый контур третьей среды. Теперь внешняя фаза могла входить только в нескольких режимах.

Как слабая рекомендация — если оператор сохраняет самоориентацию.

Как поддержка — если связь становится неустойчивой, но подтверждение себя ещё есть.

Как аварийное ведение — только после заранее определённых критериев потери способности выбирать.

Не отец, управляющий жизнью.

Страховка.

Андрей сделал ещё одну вещь.

Перенёс физический переключатель ведущего с главной консоли.

Ган заметил.

— Зачем?

— Потому что раньше он стоял прямо перед оператором системы.

— И?

— Слишком удобно.

Теперь переключатель оказался сбоку, рядом с аварийным оборудованием.

Не первая кнопка.

Не обычный инструмент управления.

То, к чему обращаются, когда действительно нужен внешний ввод.

Небольшая перестановка железа.

Но Андрею она явно была важна.

Во время работы нашли ещё одну запись Николая.

Не отчёт.

Карандаш на внутренней стороне панели, скрытый до тех пор, пока Андрей не снял старый блок.

Всего две строки.

Первая читалась хорошо:

«Ведущий способен вернуть оператора».

Вторая была зачёркнута.

Под ней другая:

«Но не должен выбирать за него выход, если оператор ещё способен выбрать».

Андрей долго стоял.

Ган тоже.

Вот.

Николай видел проблему.

Не решил.

Но увидел.

Это было важно.

Ложный отец опять перестал быть конкретным человеком.

Даже тот, кто создал систему, уже сомневался в абсолютной власти ведущего.

Ниже находилась ещё одна короткая приписка:

«Держать коридор?»
Со знаком вопроса.
Андрей провёл пальцем рядом, не касаясь карандаша.
— Он не успел.
— Что?
— Додумать.
Возможно.
Или проверить.
Или вернуться.

Ган посмотрел на отца.
— А ты?
— Что я?
— Додумаешь?
Андрей усмехнулся.
— Придётся.

Вечером они сделали самый простой опыт.
Ган снова вошёл только на первое кольцо.
Андрей включил не ведущий сигнал.
Коридор поддержки.
Никакого направления.
Поле вокруг сына стало стабильнее, но ни одна сторона не получила преимущества.
Ган повернулся вправо.
Система поддержала.
Влево.
Поддержала.
Назад.
Тоже.
Отец не говорил, куда идти.
Только удерживал условия, в которых шаг оставался возможным.

На экране появилась новая форма.
Не стрелка.
Широкая область допустимых выходов.
Тайр сразу сохранила данные.
Лара улыбнулась.
— Вот это мне нравится больше.
Андрей смотрел на график.
— Мне тоже.
Ган стоял на тёмном камне и пробовал маленькие движения. Связь с отцом ощущалась. Сильная. Надёжная. Но впервые сама связь не превращалась в вектор.
Можно двигаться.
Можно остановиться.
Коридор остаётся.

Через несколько минут Ган сам вышел.
Андрей выключил поддержку только после того, как обе его ноги оказались на бетоне.
Ни раньше.

Ни позже.

Вот и всё.

Никакого большого открытия.

Просто отец держал пространство, пока сын проходил через него своим шагом.

Когда они уходили, старый переключатель «ВЕД.» стоял в положении «резерв».

Рядом горела новая маленькая лампа коридора поддержки.

Не красная.

Обычная белая.

Ган обернулся на пороге. Андрей уже выключал приборы, проверяя каждый канал перед уходом. Делал то, что умел лучше всего: не обещал человеку правильный путь, а смотрел, выдержат ли опоры, если тот выберет свой.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Глава 5. Ответственный Отец

Утром Андрей снял старую кнопку ведущего контура совсем.

Ган заметил это не сразу. Центральная камера за последние дни обросла новой аппаратурой, возле старых катушек появились современные блоки Тайр, несколько участков кабеля теперь проходили через прозрачную третью среду, а на полу лежали временные датчики, которые Лара всякий раз заставляла убирать с прохода. Только когда Андрей вынул из панели круглый чёрный переключатель с потёртой надписью **«ВЕД.»**, завернул его в мягкую ткань и положил в ящик рядом с М-17, Ган остановился.

— Совсем?

— Нет.

— Тогда зачем снимаешь?

Андрей показал на новую панель, которую собирал с ночи. Вместо одной кнопки там стояли три независимых блока, физически разнесённых друг от друга. Первый отвечал только за поддержание границ безопасного поля. Второй мог создать мягкую внешнюю ориентацию, но не имел права усиливать её без подтверждения человека внутри. Третий, аварийный, оставался механическим и включался только после отдельного снятия защитной крышки.

— Ты разобрал отца на части, — сказал Ган.

— Контур.

— Я про функцию.

Андрей посмотрел на сына, потом снова на провода.

— Функцию тоже.

Старое устройство было удобнее. Один человек снаружи получал сразу всё: наблюдение, поддержку, направление и возможность аварийно вытащить оператора. В 1987 году это казалось преимуществом. Меньше ошибок, меньше задержек, одна ответственная точка. Но за удобство платили тем, что разные виды ответственности сливались в одно право: тот, кто защищает, одновременно решает, куда идти.

Теперь Андрей разрывал эту связь физически.

Чтобы поддержать Гана, ему не требовалось вести.

Чтобы дать ориентир, требовалось подтверждение.

Чтобы вмешаться против воли, нужно было сначала пройти отдельную процедуру, и сам факт аварийного решения оставался в журнале как событие, которое потом обязаны разобрать.

Ган взял старую кнопку из ящика.

Тяжёлая.

Обычный советский переключатель, затёртый пальцами людей, которые давно исчезли из Бункера или умерли.

— Оставишь?

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы помнить, почему новая система сложнее.

Вот это Гану понравилось.

Обычно человечество выбрасывает старое устройство и через поколение забывает, какую именно ошибку оно делало слишком хорошо.

Коридор поддержки Андрей строил почти сутки.

Никакой красивой сферы вокруг человека не получилось. На схеме он выглядел скорее как неровная широкая полоса допустимых состояний, проходящая через центральную область и расходящаяся несколькими возможными выходами. Если Ган двигался вправо, полоса не толкала его обратно. Если влево — тоже. Если останавливался, система удерживала устойчивость вокруг текущего положения. Лишь когда движение приближалось к границе, за которой начиналась потеря непрерывности поля или опасный физиологический режим, пространство допустимых выходов постепенно сужалось.

Не запрет.

Граница условий.

Разница оказалась огромной.

В старом ведущем контуре отец стоял как маяк: иди сюда.

В новом — как человек, укрепивший мост и оставшийся у опоры, пока другой сам выбирает, по какой стороне пройти.

Тайр смотрела из Андромеды и постоянно требовала расширить диапазон. Ей не нравилось, что некоторые пределы Андрей поставил слишком осторожно. Лара, наоборот, дважды заставила сузить область по физиологическим показателям. Нэр слушал обоих и предлагал оставить системе возможность пересматривать границы по мере накопления опыта.

Ри прислала рисунок.

На нём маленький человек шёл между двумя длинными руками.

Ган посмотрел и покачал головой.

— Нет. Опять руки.

Ри не поняла.

Он нарисовал рядом мост.

Она зачеркнула мост и нарисовала дерево.

Хорошо.

Каждый защищает собственную метафору.

Первые испытания прошли без Гана.

На тёмный диск поставили механический блок с подвижным внутренним грузом. Старый ведущий контур, если груз начинал дрейфовать, выбирал ближайший заранее заданный выход и тянул систему туда. Новый коридор делал другое: компенсировал только ту часть движения, которая могла вывести устройство за безопасный диапазон. Внутри допустимого пространства груз оставался свободным.

Андрей несколько раз специально создавал возмущение.

Слабое — система пропускала.

Сильнее — смягчала.

Резкое — удерживала, но не возвращала к начальной позиции.

Тайр попросила поставить сразу два противоположных импульса. Коридор расширился там, где оба исхода оставались безопасными, и не выбрал ни один.

Ган улыбнулся.

— Ты наконец построил систему, которая умеет не знать, куда мне надо.

Андрей не отрывался от экрана.

— Я построил систему, которая знает, за что отвечает.

— Это ещё лучше.

На следующий день они нашли у Николая старую схему, которую прежде приняли за недоделанный вариант ведущего контура.

Она лежала среди неудачных расчётов, зачёркнутая несколько раз. В центре — оператор. Вокруг не стрелка возврата, а широкая штрихованная область.

Андрей долго смотрел.

В углу стояло:

КОРИДОР ДОПУСТИМОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Ниже:

слишком медленно

И ещё ниже, другим карандашом:

но правильнее?

Ган рассмеялся.

— Он тоже дошёл.

— До вопроса.

— Почти до нашей системы.

— Нет.

Андрей показал расчёты.

Николай пытался удерживать коридор обычным аналоговым регулированием. Аппаратура не успевала. Чем шире позволяли область свободного движения, тем медленнее система понимала, что оператор действительно приближается к опасной границе. Для 1987 года ведущий сигнал был технически надёжнее.

Поэтому перед финальным опытом они выбрали его.

Не обязательно потому, что Николай любил власть.

Иногда ложная форма рождается из ограничений технологии.

А потом технология меняется, а форма остаётся, потому что люди успевают назвать её нормой.

— Он зачеркнул «правильнее», — сказал Ган.

— Потому что не мог реализовать.

— Или потому что спешил.

Андрей ничего не ответил.

Они оба знали, что это тоже возможно.

Человеческий опыт назначили на полдень.

Не ночью.

Не потому, что поле лучше работало днём. А потому, что Андрей после истории Николая отказался от привычки превращать большие решения в героическое событие в четыре утра. Ган выспался, поел, прошёл медицинскую проверку, полчаса гулял у воды в Гаан и вернулся только после того, как сам решил, что готов.

Никакого торжественного сбора.

Лара.

Андрей.

Тайр и Маэй по связи.

Нэр рядом с ними.

Энаэр наблюдала отдельно — после Кэл она хотела видеть любой опыт, в котором свобода системы увеличивалась быстрее её защитных механизмов.

Аэон спросил срок.
Двадцать минут внутри центрального контура максимум.
Пять минут в полной нулевой зоне.
Если всё идеально.
Ри не пустили.
Она прислала четыре возмущённых символа и один большой круг.
Ган решил, что это проклятие.

Перед входом Андрей протянул ему маленький блок подтверждения.
— Это что?
— Твой.
— Что значит мой?
На корпусе одна кнопка.
Не аварийная.
Не возврат.
Подтверждение собственного решения.
Если внешний ориентир понадобится, он может быть предложен, но не станет ведущим, пока Ган сам не подтвердит. Исключение — только аварийный режим по заранее согласованным критериям.
— То есть теперь я сам должен разрешить тебе помочь?
— В обычном режиме — да.
— А если я уже ничего не понимаю?
— Тогда работает третий контур.
— Который ты можешь включить?
— Не я один.
Ган поднял бровь.
Аварийное ведение требовало двух независимых подтверждений.
Андрей и Лара.
Либо Андрей и медицинская автоматика при потере сознания.
Либо Лара и Тайр, если сам Андрей по какой-либо причине окажется частью сбоя.
— Ты отдал часть власти.
— Разделил ответственность.
Вот.

Ган встал у края тёмного камня.
Андрей подошёл ближе.
— Перед началом ещё раз. Если система предложит возврат последовательности восемьдесят седьмого, мы её не продолжаем.
— Даже если там Николай?
— Особенно если мы не знаем, что там.
— Хорошо.
— Если ты захочешь изменить протокол внутри?
— Выйду. Обсудим. Зайдём снова.
— Хорошо.
Ган усмехнулся.
— Ты это уже говорил.
— Я хочу услышать, что ты тоже.
— Хорошо.
Вот ответственность до события.

Не договариваться после того, как возник соблазн.

Он вошёл.

Первое кольцо уже почти не ощущалось. Второе — знакомое размягчение ориентации. На третьем тело снова начало отделять зрительное направление от внутреннего чувства движения. Андрей не говорил ничего лишнего.

Коридор поддержки появился на экране как широкая прозрачная область.

Ган сделал шаг вправо.

Система последовала.

Остановился.

Она не тянула.

Назад.

Поддержка сохранилась.

— Как? — спросила Лара.

— Лучше.

— Что именно?

— Никто не говорит мне, куда хорошо.

Андрей усмехнулся.

Ган сделал ещё несколько движений. Специально приблизился к одному краю коридора. Там появилась едва заметная встречная устойчивость — не толчок назад, а увеличение «цены» дальнейшего движения. Как если бы почва постепенно становилась мягче под ногами и сама заставляла внимательнее выбирать следующий шаг.

— Чувствую границу.

— Можешь пройти?

— Думаю, да.

— Не проверяй.

— Не буду.

Это тоже новое.

До Нулевого Спина оставался один шаг.

Ган остановился.

Проверил себя.

Имя.

Место.

Цель.

Протокол.

Связь.

Всё.

Поднял блок подтверждения.

— Вхожу.

Андрей:

— Принял.

Никакого «разрешаю».

Ган заметил.

Хорошо.

Центральная область снова отняла у пространства привычную иерархию направлений.

На этот раз ощущение было знакомым, поэтому не испугало. Мир не исчез. Он перестал подсказывать.

Ган стоял.
Коридор поддержки сохранился.
Но внутри Нулевого Спина его форма стала почти круглой.
Несколько возможных выходов.
Ни один не доминирует.
Лара проверила связь.
Он ответил.
Тайр дала первый слабый внешний импульс.
Ган распознал.
Не пошёл.
Второй.
То же.
Третий — сложнее, с изменением фазы.
Коридор компенсировал опасную часть, оставив сам сигнал различимым.
Ган улыбнулся.
Он чувствовал воздействие, но оно больше не превращалось автоматически в дорогу.

Потом Андрей включил мягкий ориентир.
Не ведущий.
Предложение.
Ощущение его присутствия в поле стало сильнее.
Сюда можно выйти.
И всё.
Не «сюда правильно».
Разница была удивительно ощутимой.
Ган мог повернуться к отцу.
Мог не поворачиваться.
Само существование связи не требовало действия.
Он сделал круговой шаг.
Вернулся в исходное положение.
Ориентир остался.
— Нормально, — сказал он.
Андрей выключил.

Именно тогда старый экран ожил.
Не новый.
Тот, что принадлежал системе 1987 года.
На нём появилась строка:
ВОЗВРАТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: 2

Все замолчали.
Следующая:

ОБЪЕКТ: НОСИТЕЛЬ БИОЛОГИЧЕСКОГО КОНТУРА

Андрей не шевельнулся.

Ган почувствовал, как весь воздух камеры изменился, хотя физические показатели оставались прежними.

Лара первой сказала:

— Протокол.

— Знаю, — ответил Андрей.

Но голос был другой.

На экране возникла масса.

Семьдесят восемь килограммов.

Разброс.

Погрешность огромная.

Невозможно уверенно сказать, человек ли это, сохранившаяся биологическая структура или просто старая запись поля.

Потом появилось:

НЕПРЕРЫВНОСТЬ: ЧАСТИЧНО ПОДТВЕРЖДЕНА

Андрей перестал дышать на секунду.

Ган видел.

Вот она.

Та точка, ради которой весь их вчерашний разговор вдруг стал настоящим.

Не теория о контроле.

Отец Андрея может быть там.

Возможно.

Никаких гарантий.

Но вероятность перестала быть нулевой.

Система продолжила:

ДЛЯ ВОЗВРАТА ТРЕБУЕТСЯ СУЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОРИДОРА

Тайр сразу запросила расчёт.

Андрей уже видел.

Чтобы открыть второй возврат, поле должно использовать текущего устойчивого носителя как фазовую опору.

Гана.

Не отправить его куда-то.

Но его широкий коридор свободы придётся временно сжать до одного направления, чтобы старая последовательность получила достаточно точный референс.

На сколько?

Андрей ввёл запрос.

Ответ:

37—52 СЕК.

Лара сказала сразу:

— Нет.

Андрей молчал.

Ган внутри Нулевого Спина видел экран.

Понимал.

Почувствовал собственную мысль раньше, чем успел оценить:

делай.

Конечно.

Если шанс вернуть Николая требует меньше минуты его собственной управляемости…

Что такое пятьдесят секунд?

Он поднял блок.

— Андрей.

Отец посмотрел.

— Я согласен.

Никакого ответа.

— Слышишь?

— Слышу.

— Я подтверждаю.

Андрей смотрел на экран.

Ган почувствовал раздражение.

— Мы же сделали подтверждение именно для этого.

— Не для этого.

— Какая разница?

— Огромная.

Андрей наконец повернулся к сыну полностью.

— Ты вошёл под другим протоколом.

— Я сейчас его меняю.

— Внутри Нулевого Спина.

— Я ориентирован.

— Да.

— Понимаю ситуацию.

— Да.

— Тогда в чём проблема?

Андрей закрыл глаза на одну секунду.

Когда открыл, голос снова стал ровным.

— В том, что решение касается не только тебя.

Ган замер.

Андрей продолжил:

— Ты предлагаешь стать опорой для моей попытки вернуть моего отца. Риск несёшь ты. Выгоду сильнее всего хочу я. Мы не обсуждали это до входа. Значит, сейчас у меня конфликт интересов.

Лара посмотрела на него.

Тайр перестала посылать расчёты.

Нэр сидел неподвижно.

Ган почувствовал, как собственное желание «делай» становится менее очевидным.

— Но я сам предлагаю.

— Я знаю.

— Тогда ты отказываешь за меня.

— Нет. Я отказываюсь принимать твоё согласие в условиях, которые выгодны мне и не были заранее оговорены.

Тишина.

Вот это было новым.

Ложный отец решал за ребёнка ради его безопасности.

Но и другой перекос существовал рядом: отец может принять жертву ребёнка, если тот сам её предлагает, и снять с себя ответственность словом «он согласился».

Андрей этого не сделал.

Согласие Гана важно.

Но оно не превращает чужую заинтересованность в нейтральность.

— Выйди, — сказал Андрей.

Не приказ в смысле ведущего.

Предложение завершить согласованный опыт.

— Потом обсудим.
Ган хотел спорить.
Система на экране показывала:
ОКНО ВОЗВРАТА: 84 СЕК

Секунды пошли вниз.
Шанс.
Может исчезнуть.
Тридцать девять лет ожидания.
Восемьдесят три.
Восемьдесят два.
Ган посмотрел на отца.
— Оно закроется.
— Пусть.
Вот это прозвучало тяжело.
Очень.

Семьдесят девять.
— Ты можешь потерять его второй раз.
Андрей дёрнулся.
Не полем.
Лицом.
Попало.
Ган сразу пожалел.
Но слово уже есть.
Отец смотрел на экран.
Семьдесят семь.
Семьдесят шесть.
Рука лежала рядом с новым пультом.
Чтобы продолжить, достаточно нескольких движений.
Он знает как.
Возможно, единственное окно за десятилетия.
Николай.
Семьдесят четыре.

Андрей убрал руку от панели.
— Выйди.
На этот раз голос дрогнул.
И от этого решение стало сильнее.
Не потому, что ему легко.
Наоборот.

Ган почувствовал стыд.
Не за желание помочь.
За попытку использовать отцовскую боль как аргумент.
Он кивнул.

— Выхожу.
Коридор поддержки раскрылся.
Не к Андрею.
Несколько путей.
Ган выбрал ближайший свободный сектор, сделал шаг из нулевой области, второй. Обычная ориентация вернулась. На внешнем кольце его качнуло, Лара приготовилась подойти, но он выровнялся сам.
Пока он шёл, счёт продолжался.
Шестьдесят.
Пятьдесят восемь.
Пятьдесят семь.
На бетоне Ган повернулся.
— Теперь?
Андрей покачал головой.
— Теперь мы не подготовлены.
— Но я уже вышел.
— Именно. Нет носителя.
Можно было снова войти.
Технически.
Но это уже спешка.
И они оба знали цену слова.
Сорок девять.
Сорок восемь.

Никто ничего не делал.
Система ждала.
На тридцатой секунде поле чуть изменилось.
На пятнадцатой появилась строка:

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ МОЖЕТ БЫТЬ ОТЛОЖЕНА

Андрей резко поднял голову.
Все одновременно выдохнули.
Не потеряна.
Окно было текущей возможностью, а не последней.
Счёт дошёл до нуля.
Экран написал:

ВОЗВРАТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ 2: СОХРАНЕНА

Андрей сел прямо на пол.
Не от слабости.
Просто ноги, видимо, решили, что достаточно.
Ган опустился рядом.
Несколько секунд они оба молчали.
Потом Андрей сказал:
— Вот видишь.
— Что?

— Надо читать до конца.

Ган рассмеялся.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

Лара тоже.

Напряжение вышло так быстро, что смех почти болел.

Через десять минут Андрей снова стал инженером.

Запросил полный пакет возвратной последовательности.

Тайр получила копию.

Маэй потребовала, чтобы следующий опыт вообще не проводился без отдельной биологической модели.

Энаэр сказала, что использование человека как фазовой опоры при неизвестном возврате неприемлемо до проверки риска каскада.

Нэр предложил третий вариант.

Не человек.

Первый прототип.

Точнее, его принцип.

Третья среда уже умеет быть устойчивой, менять форму и сохранять собственную непрерывность. Можно построить фазовый носитель, специально предназначенный для возврата объектов из Центра.

Ган посмотрел на Андрея.

— То есть я вообще не нужен.

— Для этой задачи, возможно, нет.

Странно.

Ещё недавно Гану хотелось быть необходимым.

Теперь это прозвучало как хорошая новость.

Ответственный человек не обязан делать всё сам.

Ответственный отец тем более.

Если существует способ не ставить сына между собой и собственным прошлым, нужно построить этот способ.

Даже если дольше.

Даже если сложнее.

Даже если окно уже было открыто и рука почти лежала на переключателе.

Тайр начала проектировать носитель в тот же день.

Не копию первого прототипа А.

Отдельную систему.

Ей не нужно было ходить по лесу или защищать груз от реки. Только одно: удерживать фазовую непрерывность в Нулевом Спине, не требуя человеческого поля как опоры.

Назвали сухо:

ПН-1. Переходный носитель.

Ри по связи назвала его «маленький Ган».

Ган немедленно возразил.

Ри проигнорировала.

На сборку ушло три дня.

Три дня Андрей не пытался открыть последовательность 2.

Вот это Ган замечал особенно.

В первый вечер отец десять раз проверил старый экран.

Во второй — только четыре.

На третий почти не подходил.

Не потому, что стал меньше хотеть.

Желание не исчезло.

Просто перестало определять темп работы.

ПН-1 был гораздо меньше первого прототипа, почти плоским кольцом из третьей среды. Внутри никакого груза. Само кольцо и являлось задачей: сохранять собственную историю и одновременно позволять внешнему полю перестраивать его геометрию.

Первый тест в обычном поле прошёл легко.

Второй — на промежуточном кольце Центра — тоже.

В полной нулевой зоне начались проблемы.

Переходный носитель слишком хорошо сохранял себя.

Смешно.

Он удерживал внутреннюю структуру настолько уверенно, что не позволял старой возвратной последовательности использовать его как фазовую опору.

Чтобы стать мостом, нужно немного уступить.

Но не настолько, чтобы потерять себя.

Снова та же задача.

Тайр уменьшила глубину одного слоя памяти.

ПН-1 стал податливее.

Теперь возвратная система могла «зацепиться» за него, но через несколько секунд начала переписывать слишком много.

Нэр остановил.

Третья попытка.

Не ослаблять всё.

Разделить функции.

Один слой сохраняет идентичность носителя.

Другой временно предоставляет фазовую структуру для чужого возврата.

Это оказалось правильнее.

ПН-1 мог сказать в инженерном смысле:

вот часть меня, которую ты можешь использовать; остальное не принадлежит задаче.

Ган смотрел и улыбался.

Граница.

Опять.

Не стена.

Различение ответственности.

Андрей провёл последний тест сам.

Не рукой.

Системой.

ПН-1 вошёл в Нулевой Спин, удержал себя, предложил внешний фазовый слой. Старый Центр принял.

На экране:

НОСИТЕЛЬ СОВМЕСТИМ

Следом:

ВОЗВРАТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ 2 ДОСТУПНА

Теперь можно было начинать.
Никто не начал.
Сначала перерыв.
Еда.
Проверка.
Отдельное подтверждение каждого участника.
Ган заметил, что Андрей специально делает всё медленнее, чем хочется.
Это было не трусостью.
Работой против собственной спешки.

Возврат назначили на следующее утро.
В десять.
Ган пришёл в девять сорок.
Андрей уже был там.
Разумеется.
Но впервые Ган увидел, что отец не трогает аппаратуру.
Сидит на стуле Николая.
Просто сидит.
— Готов?
Андрей подумал.
— Нет.
— Отменяем?
— Нет.
Очень точный ответ.
Можно быть не готовым эмоционально и всё же достаточно подготовленным для действия.
Ган сел рядом.
— Что ты думаешь, там?
— Всё.
— Очень научно.
— За последние три дня я успел представить живого отца, мёртвого отца, часть тела, чужого человека, пустой костюм, кусок оборудования, биологическую запись и ошибку датчика.
— Что предпочитаешь?
Андрей посмотрел.
— Отца.
Конечно.
— Поэтому и нельзя настраивать систему под моё предпочтение.
Вот.

В десять пришла Лара.
В десять три Тайр подтвердила готовность Андромеды.

Маэй — биологическую изоляцию на случай неизвестного материала.
Энаэр — фазовые пределы.
Нэр ничего не добавил.
Аэон спросил, когда заканчиваем, если результата нет.
Через двадцать минут.
Хорошо.
Даже возвращению из 1987 года дали срок.

ПН-1 вошёл в центр.
Четыре компонента разошлись.
Сумма приблизилась к нулю.
Носитель сохранил глубокую структуру.
Внешний слой стал доступен.
Андрей открыл последовательность.
2
Поле изменилось.
Медленно.
В отличие от возвращения М-17, никакой металлической точки сразу не появилось.
Сначала возникло слабое затемнение воздуха.
Тайр сказала, что увеличивается локальная связность.
ПН-1 деформировался.
Не разрываясь.
Старый контур начал использовать его внешнюю фазу.
На экране масса росла:
0,4 кг.
1,7.
4,2.
Потом падала.
Снова росла.
Измерение было нестабильным.
Андрей стоял у консоли.
Руки на столе.
Не вмешивался.

Через две минуты в центре появилась ткань.
Ган напрягся.
Не человеческая.
Сначала это было невозможно понять. Тёмный кусок чего-то мягкого, который постепенно приобретал форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.